

Ничья

Автор:

Ольга Романовская

Ничья

Ольга Романовская

Если на улице появились носилки с женщиной в алых одеждах, беги! Не слушай музыку, не поддавайся очарованию праздника, не рассматривай украшения и не мечтай оказаться на месте той, которая расточает улыбки. Сборщица пришла за живой данью, и если ее перст укажет на тебя, будущее твое предопределено. Из храма наслаждений не возвращаются, покупатели на рынке наложниц думают только о своем удовольствии. Но если ты все же попалась на глаза сборщице, борись до конца и не закрывай сердца для любви.

Ольга Романовская

Ничья

Глава 1

– Главное для человека – это семья, – назидательно повторяла тетя Нэт.

Ее мозолистые руки ловко выдергивали сорняки, а острый глаз безошибочно отделял полезные ростки от вредных. Для меня они казались одинаковыми – безликие, бледные, на тоненьких ножках. Но я никогда не любила садоводство, а вот тетя Нэт... Она зарабатывала себе этим на жизнь. Меня частенько посылали помочь ей, и всякий раз я мучительно считала минуты до возвращения

домой. Дело даже не в грядках, не в цветах – в самой тете Нэт. Она ничего не говорила в простоте, всегда только наставляла. Складывалось впечатление, будто я великая грешница, непутевая, глупая и никуда не годная девчонка. И лейку держу не так, и смотрю неправильно, и мечтаю неизвестно о чем. Тетю не любил даже отец, она и его наставляла. Удивительно, как с такими наклонностями Нэт не оказалась в храме! Легко представила бы ее в роли одной из служительниц с бритыми висками. Уж там-то тетя разгулялась!

– Да ты совсем меня не слушаешь! Для твоего же блага стараюсь, чтобы бестолочью не выросла.

Ну вот опять! Стоило отвернуться, задуматься о своем, как тетя рассердилась и с удвоенным усердием продолжила читать нотации. Эту я уже слышала, могла пересказать основные тезисы. Человек без родных – ничто, вся его жизнь посвящена семье, только она наполняет существование смыслом. И нужно не роптать, не гнаться за счастьем, не искать собственной выгоды, а поступать так, как угодно отцу, дяде, двоюродным сестрам, чтобы не рушить традиции. Странная теория, на мой взгляд, не понимала я подобной жертвенности. Как можно считать счастье глупой химерой? Почему, к примеру, нужно выйти замуж за пекаря только потому, что все в семье пекари? Почему нельзя уехать из дома, отчего все можно делать только совместно с семьей? Эх, надрала бы тетя уши, если я бы посмела высказать крамольные мысли вслух! И снова бы напомнила про семью: раз хоть у кого-то из нее другое мнение, то мое неправильное.

– Ну, хоть поняла, пустоголовая?

Кивнула и в который раз за сегодня повторила:

– Да, тетя.

Когда же, наконец, наступит вечер, и можно будет вернуться домой! Скоро я возненавижу все цветы на свете! Хватит того, что я получала их на все праздники. Тетя не тратилась на подарки, приносила неизменные фиалки, а на день рождения, так и быть, одну розу. И весь последующий год я те подарки отработывала: полола, обрезала, подкармливала.

Чтобы сбежать от очередной нотации, подхватила садовые ножницы и направилась к шпалерам. За зиму кусты померзли, нужно привести в порядок.

Тетя высадила розы в качестве живой изгороди, поэтому я не только работала, но и наблюдала за дорогой – хоть какое-то развлечение! А могла бы сейчас сидеть за партой... Пожалуй, даже учитель словесности не сравнился бы в занудстве с тетей Нэт.

Я обрезала очередную ветку, когда услышала громкую музыку. Она все приближалась и приближалась, и вот в конце улице появилась процессия. Впереди несли носилки с укрытой с ног до головы полупрозрачной алой тканью женщиной. Ее намотали в несколько слоев, превратив подобие парадного платья. Женщина улыбалась и щедро разбрасывала монеты. Следовавшая попятам толпа жадно ловила их, чуть не доходило до драки. Незнакомка показалась мне божественно прекрасной. Она словно смеялась над всеми запретами тети Нэт. Подведенные сурьмой глаза, пухлые губы, смелый взгляд. Незнакомка не отворачивалась при виде мужчин, широко улыбалась, махала рукой. На ногах – туфли, с помощью изящных ремешков крепившихся к лодыжкам. Разумеется, на каблуках, тонких, не тяжелых квадратных, которые носила мама. На руках кольца, на шее кулон. Поверх заменявшей платье ткани накинута меховая накидка: весна весной, но в тонком наряде быстро замерзнешь.

– Джанет! – непривычно визгливо окликнула тетя.

Обернувшись, увидела, что она стоит с перекошенным лицом, словно демона увидела.

– Не смотри! – будто малому ребенку, приказала Нэт.

Однако я не двинулась с места, замороженно наблюдая за прекрасной женщиной в красном. Какие у нее волосы! Не волосы, а расплавленное золото, струящееся по плечам. И кожа светится, наверняка гладкая, бархатистая. Завидовать грешно, но иногда можно. Ничего дурного не случится, если я немного постою, посмотрю.

– Глупая, в дом, немедленно!

Тетя больно ухватила за руку и оттолкнула от шпалеры. Так обидно: процессия как раз поравнялась с нашим домом.

– Несчастья своего не понимаешь, – продолжала шипеть Нэт, подталкивая меня в нужном направлении. – Это сборщица!

– Сборщица чего? – не поняла я.

Прекрасная женщина, наоборот, раздавала деньги, а не отнимала.

– Дани, конечно. Чему вас только в школе учат? – Тетя возвела очи горе. – Всегда говорила брату: напрасно деньги тратит, но он уперся. Дочери, де, должны не только читать и писать. Девушек она собирает, дурочка! И сама из бывших. – Нэт ненадолго замолчала, явно упустив самое интересное. – Стара стала, вот и ищет себе замену.

Какую замену, каких девушек? Тетя говорила загадками, но была явно сильно напугана, поэтому не стала сопротивляться, когда она втащила меня в дом, заперла окна и двери.

Чиркнуло огниво, подарив немного света.

– Пятнадцать лет прошло, – упавшим голосом произнесла Нэт, – вот и появилась сборщица. Я совсем забыла, думала, не приедет. А должна была предупредить, – с глухим вздохом добавила тетя.

Она стала темнее тучи, сгорбившись, замерла на табурете и смотрела мимо меня, в стену. Я даже испугалась, не случилось ли с ней чего, предложила сбегать за знахаркой. Не похоже это на тетю, она бы отругала, прочитала проповедь о труде и нравственности, а тут поникла, разом постарела лет на десять.

– Не надо, со мной все хорошо. Не о себе мне надо думать – о вас. Я стара, меня не заберут.

– Да кто заберет-то?

Я изнывала от нетерпения и злилась на тетку, не желавшую говорить прямо.

Нэт строго взглянула на меня и, словно учитель, спросила:

– Кто нами правит, Джанет?

– Эрцгерцог Стефан, – ответила без запинки, напрасно тетя надеялась подловить.

– А выше него кто? – не унималась родственница.

– Король.

– А выше?

– Да нету никого выше короля.

– Дура! – припечатала тетя. – Выше короля император Фрегии. И сборщица эта из Фрегии.

Она замолчала и выразительно глянула на меня. Мол, соображай, дуреха! И я поняла. Все случилось давно и превратилось в скупые страницы учебника. Мы привыкли жить под властью Фрегии, многие не помнили времен, когда было иначе. Например, я, потому как родилась после вторжения. Поговаривали, в первые годы приходилось тяжело, но потом захватчики утолили жажду денег и крови, восстановили в правах прежний королевский род. Только причем тут сборщица? И почему она не в платье, а обернута богатой тканью?

– Раз в пятнадцать лет фрегийцы собираются человеческую дань. – Чтобы успокоиться, тетя поставила чайник на плиту. Теперь голос ее звучал размеренно, спокойно. – Они выбирают сборщиц среди прошлых девушек, которые по той или иной причине оказались не нужны. Сборщицам предоставляется шанс выкупить свою жизнь и свободу, обрести имя. Для этого они совместно должны отобрать две сотни девушек. Если хоть одна пленница из партии подойдет для рынка, а не только Храма наслаждений, сборщица свободна. Если нет, тут уж не знаю, убьют, наверное.

Страшные слова говорила Нэт! Теперь я поняла, почему тело сборщицы скрыто лишь тканью, а туфли надеты на босу ногу. Стоит дернуть за узел, и женщина останется обнаженной, чтобы без промедления одарить лаской, как того требовала фрегийская богиня. Отданные ей в услужение девушки не могли

отказать мужчине, поэтому, по слухам, в Храм наслаждений выстраивались огромные очереди, а несчастные красавицы умирали каждый день, не выдержав боли и позора. Так шептались, но никто достоверно не знал. Я же и вовсе воспринимала те рассказы как страшную сказку, которой старшие девочки пугают младших. Но сборщицу в алых одеждах пронесли по нашей улице, выходит, Храм наслаждений действительно существует. Только тетя упоминала о некоем рынке, как он связан с фрегийской сладострастной богиней?

– Рынок наслаждения, естественно. – Прежняя Нэт вернулась, смотрела свысока и наверняка мысленно повторяла: «Как можно родиться такой душой!» – Там богатые и знатные фрегийцы выбирают наложниц.

Ни в храм, ни на рынок мне по известным причинам не хотелось, но в душе теплилась надежда, что сборщица выберет других. У нас полно красивых девушек, есть моложе меня, с ладной фигурой и глазами с поволокой. Если на все королевство нужно всего двести, то от нас заберут парочку, не больше.

– Жаль, замуж тебя быстро не выдать! – посетовала тетя и плеснула крутым кипятком в заварник. – Хоть парень на примете есть? Сходи с ним в амбар. Так и быть, пусть сначала женщиной сделает, а потом женится. Зато сразу забракуют, им только девственницы нужны.

Уши горели. Широко распахнув глаза, я испуганно уставилась на тетю.

– Ну, чего вылупилась? – заворчала она. – Времена такие. Как процессия скроется, бегом юбки задирать! Лучше родить без мужа, чем во Фрегию попасть.

Невольно порадовалась, что тетя не присмотрела мне жениха, иначе бы она подговорила парня и заперла нас в горнице. Разумеется, слушать Нэт я не собиралась. Главное богатство девушки – ее честь, да и без любви, словно на собачьей свадьбе... Прислушавшись, убедилась, сборщица уже далеко. Раз так, и мне пора, по такому случаю тетя отпустит пораньше.

Город поразил тишиной. Он у нас небольшой, так, разросшаяся деревня, но благодаря судоходной реке оживленный, а тут все словно вымерло. Проходя мимо храмовой площади, заметила яркое объявление на столбе. Возле него толпились и вздыхали люди, кто-то даже плакал. Поработав локтями, протиснулась ближе и прочитала: «Завтра к полудню под страхом казни сюда

надлежит явиться всем девицам старше пятнадцати лет. За попытку обмана, как-то: скоропалительный брак или порча девицы, – ждет суровое наказание». Перечитала несколько раз и нахмурилась. Выходит, забирали не только молодых. Домой возвращалась с тяжелым сердцем и корила себя за любопытство. Музыки никогда не слышала, красивых женщин не видела! Впрочем, кто сказал, что тетя Нэт права? Если бы забирали всех, кто выглянул из окна, никакой рынок не вместил бы столько наложниц.

У самого порога столкнулась с выходящим от нас судьей. Они с отцом дружны, даром последний обычный портной. От одежды многое зависит: повысят тебя по службе, примут ли в доме невесты, оконфузишься или нет на празднике. Отец шил хорошо, в клиентах у него ходили представители лучших семейств города, поэтому не нуждался, отдал дочерей в школу. Я заканчивала, всего месяц остался, а Нона только начинала, во второй класс перейдет.

– Доброго дня, господин судья.

Посторонившись, поклонилась. К чинам нужно проявлять почтение, иначе станешь как тетя Нэт. Если бы не ее язык, дурной характер и вечные нравоучения, разве бы она разводила цветы! Только Нэт и с бургомистром душеспасительную беседу заведет.

– Да скорее уж недобрый, – вздохнул судья и сочувственно глянул на меня. – Не вовремя ты расцвела, Джанет, ох не вовремя! На пару лет бы позже...

Сразу поняла, речь о том объявлении, и приуныла еще больше. Если даже судья жалеет, то есть повод задуматься. Только отчего они все решили, будто выберут меня? Ладно, тетя Нэт, для нее все родственники – красавицы и красавцы, а остальные уроды и уродины, но господин Стен-то!.. Папа всегда учил: если что-то непонятно, спрашивай.

– Господин судья, разве заранее известно, кого выберут?

Сердце замерло в ожидании ответа, упало в пятки.

– Нет, – покачал головой он, – все решает сборщица. В случае сомнений она советуется с бургомистром.

В душе затеплился лучик надежды. Не все так плохо, Джанет, рано паниковать. Во-первых, взгляни на себя в зеркало. Лицо самое обычное, миленькое и только. Волосы тоже ни светлые и ни темные, ни золотом, ни серебром не отливают. Даже не скажу, рыжие или каштановые, нечто странное. Глаза карие, а всем известно, ценятся голубые или зеленые. Дальше, конечно, хуже, грудь имелась, но ее можно спрятать под удачной одеждой, да и у той же соседской Лизы она больше. Словом, по части внешности я не первая красавица. А уж если в случае спора последнее слово за бургомистром, пригодятся отцовские умения. Ради спасения дочери можно бесплатно всю знать обшивать. Словом, переживу как-нибудь завтрашний день, а через пятнадцать лет уже выйду замуж, рожу детей и на новый отбор не попаду. Мысль успокоила, волнение немного улеглось и, желая унять праздное любопытство, крикнула уже в спину удаляющегося гостя:

– Господин судья, а сколько девушек отправят во Фрегию?

– Десять, – остановившись, ответил мужчина. Много-то как! Сразу снова стало не по себе. – Сборщица придирчивая, в других местах многих забраковала.

Вот ведь! Гневно топнула ногой. Не могла сначала в другие местечки заехать, а только потом к нам! Но, с другой стороны, сборщицу можно понять. Если права тетя Нэт (откуда только все знает?) от девушек зависит ее жизнь.

Домашние смотрели на меня как на покойницу, мать, приложив платок к глазам, даже всплакнула. Мрачный отец одернул ее, велел не притягивать беду.

– Да накликali уже, постарались! – Матушка зло покосилась на дверь. – Думаешь, дочку бургомистра возьмут или племянницу судьи? Мало им денег, так еще дочерей отбирают! Лучше бы я ее еще в четырнадцать просватала!

– Ты осторожнее со словами. – Отец подошел к окну, проверил, не подслушивает ли кто. – Скажешь что против фрегийцев – и нет тебя. Обо мне, детях подумай, если своя жизнь недорого.

Мать тяжело вздохнула и кивнула. Даже я застала виселицы на площади. На них болтались бунтовщики, которые отказывались платить подати, выполнять указания фрегийских инспекторов. Империя погасила все бунты и доказала, с ней лучше не связываться. Это понял даже король. Жестоким уроком для нынешнего монарха стало показательное убийство предыдущего. С тех пор Рьян

смирился и вот уже десять лет не пытался бороться за былую свободу. Взамен на покорность Фрегия подарила ряд послаблений. Например, вернула власть на местах, перестала вмешиваться во все сферы жизни, оставив только внешний контроль инспекторов. Они назначались императором, по одному на каждое из четырех эрцгерцогств. Нам повезло, налоги подняли всего на треть, а вот соседям, особо отличившимся в боях за независимость, – сразу вдвое. Так, еще ребенком, слушая старших, я усвоила первый урок: прояви благоразумную покорность, если не хватает сил для борьбы.

– Фрегийцы фрегийцами, а обед по расписанию. С вечера подготовишь Джанет, тебе лучше знать, что там положено.

Мать кивнула. Она участвовала в двух отборах. Прежде их проводили чаще, каждые полгода, и девушки еще больше боялись попасть в Храм наслаждений. Некоторые даже кончали жизнь самоубийством. Спросить так это или нет, не у кого. Мама никогда не заговаривала об отборе, а тетя Нэт считалась бракованной и туда не попадала. Судя по намекам, она воспользовалась тем способом, который предлагала мне. И про маму поведала, я все только сегодня узнала. Нэт ведь не сразу меня отпустила, долго убеждала, стращала.

– А как там?..

Я накрывала на стол и все думала о завтрашнем дне.

Мама поджала губы и вздохнула.

– Будто на ярмарке, только не ты смотришь, а тебя. Выстроят в ряд и ходят. Кто приглянется, того в шатер уводят. Оттуда обычно не возвращаются.

Посуда в ее руках чуть звенела, выдавая волнение.

– А ты?..

– Нэт сказала? – сверкнув глазами, мама мысленно помянула сестру мужа недобрым словом. – Наступит ли день, когда рот у нее закроется! Не была я там, иначе бы ты и Нона не родились. Говорю же, единицы из шатра возвращаются и то плачут.

Да что же такое творят фрегийцы?! Если еще вчера они казались обычными людьми, то сейчас превратились в плотоядных чудовищ. Может, и про храм все ложь, а живет в империи прожорливый дракон, который просыпается раз в пятнадцать лет и сжирает двести девственниц. Почему именно их? Брезгливый, наверное, а, может, они вкуснее, не сильна я в драконах. Рассказни про храм точно сказки. Я не вчера родилась, если мама с тетей Нэт молчали, это не значило, будто я не слышала о продажных женщинах. Зачем кому-то неумехи, если существуют жрицы любви? Словом, успокаивала себя, как могла, а руки продолжали дрожать. Не хочу ни в храм, ни в наложницы, ни к дракону!

– Ты не беспокойся, – попыталась ободрить мать, хотя сама стояла блее полотна. – Судья обещал поговорить с бургомистром, похлопотать. Да и ты не плошай. Сутулься, одно плечо ниже, другое выше держи, громко шаркай. Я к Софии сбегая, красок для лица принесу, мы тебе кожу разукрасим.

Обе мы понимали, подобными хитростями сборщицу не проведешь, зато можно ненадолго обмануть себя. Да и разве возьмут не самых юных? Мне уже не пятнадцать, пусть до старой девы далеко. Однако успокоиться не получалось. Мысль об отборе повисла в воздухе, отняла аппетит. Ночь не принесла облегчения. Ворочалась с боку на бок и не могла сомкнуть глаз. Родители тоже не спали. Слышала, как тяжело вздыхал отец через тонкую стенку, как тайком, думая, что никто не слышит, рыдала мать. И становилось вдвойне горше: мысленно они со мной попрощались. И только Нона спала. Счастливая! Когда наступит следующий отбор, она успеет стать чьей-то женой.

Глава 2

По случаю приезда сборщицы занятия в школе отменили, и все мы, девушки от пятнадцати и старше, как потерянные, слонялись по родным домам. Пробовала шить, но только исколола пальцы. Готовить – мать выгнала, сказала, чтобы не мешала. Какая помощница из той, у кого кастрюли из рук валяются? Так и промаялась до полудня, когда пришло время идти на площадь. По совету матери оделась максимально просто, в самые темные и свободные вещи. Волосы собрала в несуразную кичку, надеясь жуткой прической отвлечь внимание от лица. Краски Софии тоже пошли в дело. Ими мы подчеркнули круги под глазами, нарисовали пару пятен, которые издали можно принять за прыщи. Словом, из

дома я вышла уродиной, во всяком случае, искренне надеялась на это. Рядом скорбно шагали другие девушки, которые тоже, как могли, попытались отвести от себя перст судьбы. Улица напоминала серое море – яркие цвета привлекли бы ненужное внимание. То и дело слышались вздохи, всхлипы, а то и плач. Некоторые девушки шагали в обнимку. Может, сестры, а, может, просто подруги. Отыскала в людском потоке знакомые лица. Прежде бы улыбнулась, а теперь лишь понуро опустила голову. От нас ничего не зависело, захотят, разлучат. Вдоль улицы выстроились солдаты, живой цепью отсекая отцов, братьев, матерей. Отдельные отряды прочесывали дома, проверяли, не утаили ли девицу, не нарушили ли приказ. В наш тоже зашли. Я как раз обернулась, чтобы, возможно, в последний раз взглянуть на родимое крыльцо.

– Не переживай! – Моей руки коснулась чужая, прохладная и мозолистая. – Им нужно всего десять.

Всего десять! Покачала головой. Это слишком много.

– Я вот в прошлый раз не попала, – продолжала утешительница.

Взглянув на нее убедилась, передо мной уже не девушка. Миловидная, но не более. Не иначе бесприданница – иных причин засидеться в старых девах я не видела. И вдруг злость такая обуяла. Ей хорошо говорить, посмотрела бы, тряслась бы она или нет пятнадцать лет назад!

– Все решает сборщица, – продолжала безымянная попутчица. – Достаточно ей не понравится, и свободна.

Фыркнула. Как все просто! Можно подумать, сборщицу остановит дурной характер или слабоумие. В Храме наслаждений не разговаривают, а гордость выбивают палкой. Не нужно там бывать, не нужно читать, и так ясно.

Подходящих для отбора девушек выстроили по возрасту в несколько рядов, от самых молодых к перестаркам. Я оказалась примерно посередине и в просвете между телами видела страшный шатер, куда предстояло зайти избранным. Внешне он не отличался от ярмарочных, никаких устрашающих надписей, рисунков или иных знаков. Не знай, зачем он, приняла бы за шатер заезжих актеров. Помоста или иного возвышения тоже не видно. Пока совершенно непонятно, как нас станут отбирать.

Дрожащие от страха девушки терпеливо ждали, и вот появилась она. В сопровождении судьи и бургомистра из здания муниципалитета вышла сборщица. Алая ткань колыхалась, при каждом движении приоткрывая завесу тайны то над одной, то над другой частью ее тела. Вот мелькнет сквозь первый тонкий слой бедро, вот откроется взору линия груди. Никакого обнаженного тела, между ней и зрителем всегда тончайшая органза. Сборщица ступала плавно, чуть покачивая бедрами. Подбитые металлом каблучки выбивали четкий ритм на булыжной мостовой. Мужчины на фоне спутницы казались грузными, неповоротливыми. Она словно бабочка, яркая, праздничная. Пусть тетя Нэт и запретила, тайком любовалась сборщицей. Сегодня в ее волосах переливались нити с перламутровыми раковинами. Бездонные глаза затягивали в омут, чуть приоткрытые губы приковывали взор. Даже бургомистр попал под ее чары. Не на толпу он смотрел, а на точеную фигурку сборщицы. И не просто смотрел, а испытывал желание обладать. Странное заявление для не знавшей мужчины девицы, но мысли бурмистра читались по лицу, взгляду. Только девушки из Храма наслаждений, пусть даже бывшие, не ответят взаимностью рьянцу. Сборщица остановилась у входа в храм. Сегодня его двери были наглухо закрыты, чтобы никто не надеялся найти там спасение. Поздно брить виски, да и не поможет – служительниц привели сюда же, для закона все равны.

– Все? – обратилась предвестница беды к бургомистру.

Тот подозвал начальника городской стражи, выслушал доклад и кивнул. Сборщица удовлетворенно улыбнулась.

– В некоторых деревнях меня пробовали обмануть. Бедолаги сами себя наказали.

Выходит, за сокрытие девушек действительно казнили.

По телу пробежала дрожь, под ложечкой потянуло, а в животе образовался гигантский ледяной ком. Очарование женщины в алом пропало, только теперь я в полной мере осознала, где нахожусь и что мне предстоит.

– Ладно, начнем. – Сборщица споро взялась за дело. – Есть среди присутствующих потерявшие девственность? Если да, проходите в палатку. Я проверю и отпущу по домам.

Никого не нашлось. Да и кто согласился бы добровольно подвергнуться столь унижительной процедуре?

– Замечательно! – просияла сборщица. – Значит, все вы подходите. Сейчас узнаем, кому выпадет счастье дарить ласку лучшим мужчинам мира.

Интересно, так же она думала пятнадцать или сколько там лет назад, когда ее, плачущую, дрожащую, забирали из отчего дома? Да и думала ли так даже теперь. За фальшивой улыбкой так удобно скрыть истинные чувства. Сомневаюсь, будто женщина слепа и наивна. Может статься, она ненавидела фрегийцев не меньше нашего.

Велев спутникам оставаться на месте, сборщица отправилась гулять вдоль рядов. Она шла медленно, вглядывалась в каждую девушку, но пока никого не выбрала. Пятнадцатилетние вздохнули с облегчением, когда женщина перешла к тем, кто постарше. Но я бы на их месте обождала. Все ближе и ближе... И вот алые одежды плывут уже перед моими сверстницами.

Вблизи сборщица оказалась не столь прекрасна. Красота ее во многом заслуга умело наложенной косметики, скрывавшей морщины. Я тайком разглядывала посланницу другого мира, пока та занималась моими соседками. Интересно, что останется, если смыть всю краску, не выжаты ли фрегийцами цветок? Они выкинули его за ненадобность, но подарили крохотный шанс остаться в живых. И поэтому цветок благоухал, источал запах сандала и жасмина, привлекая неопытных пчел. Однако все мысли вылетели из головы, стоило сборщице шагнуть ко мне. Тут же опустила голову и напряглась. Цепкий взгляд прошелся по моей фигуре, ни на чем не остановившись. Сборщица привычным движением взяла меня за подбородок. Взгляды наши на пару мгновений пересеклись: мой затравленный и ее пустой, потухший. Но вот сборщица отпустила и перешла к следующей девушке. Не выбрала.

От долгого стояния в практически неподвижной позе начала замерзать. Скорей бы уж сборщица обошла всех! Проверила, где она – осматривает старых дев. Идет столь же медленно, смотрит столь же внимательно: вдруг в прошлый раз пропустили годную? Да и иногда рак на безрыбье сойдет, храм не должен пустовать.

– Я сделала свой предварительный выбор, – вернувшись к бургомистру, сообщила сборщица. – Осмотрю пятнадцать, там решу окончательно.

Теперь она двигалась иначе, стремительно, указующим перстом выхватывая из разных рядов то одну, то другую. Когда палец остановился на мне, с трудом сделала шаг: ноги онемели. В глазах потемнело, не помнила, как добрела до палатки. В голове звучало: «Ей нужно десять, хоть бы я не подошла!» Убедившись, что все пятнадцать девушек на месте, сборщица зашла последней и плотно задернула полог.

– Раздевайтесь донага! – скомандовала она.

Никто не пошевелился. Девушки испуганно жались друг к другу, кто-то молился.

– Давайте! – Сборщица нетерпеливо топнула ногой, отчего каблук ее зазвенел. – Или мне позвать солдат, чтобы они вас раздели? Поэтому снимайте тряпки, подходите к тазу и умываетесь. Одежду положите сюда, – женщина указала на деревянную скамью. – Как умоетесь, по очереди подходите ко мне. Руки на бедра, ноги чуть расставить.

Ну уж нет! Гордость во мне еще осталась. Я не товар на фрегийском рынке, пусть сама встает в свою позу! Огляделась по сторонам. Пара девушек помладше потянулись к крючкам платьев, остальные не двигались.

– Да кто ты такая? – громко, с вызовом спросила одна из них, высокая статная брюнетка. – Мы тебе скот?

– Помалкивала бы лучше, я не шучу.

В подтверждение серьезности своих слов сборщица хотела выйти, позвать стражу. Брюнетка решительно преградила ей дорогу.

– Дура! – припечатала ее женщина в алом. – Ну ударь, на виселицу отправишься. Я защищена властью императора.

– Его здесь нет.

Ох, точно дура! В каждом эрцгерцогстве есть гарнизон, стоит прийти откуда дурным вестям, как он явятся с огнем и мечом, еще и подмогу подтянет.

С тяжелым сердцем подошла к лавке и взялась за завязки воротника. Стоявшая рядом тоненькая, как тростинка, девчушка стягивала нижнюю юбку. Даже брюнетка, стоило сборщице окликнуть капитана стражи, тоже смирилась, присоединилась к нам.

– Все в порядке! – успокоила солдат через толстую ткань вершительница наших судеб, – Девочки волнуются, упрямятся. Пойдите рядом для острастки, но не входите.

Слой за слоем. Чем дальше, тем сложнее. И вот я поджигаю босые ноги в одной нательной рубашке. Сборщица уже критически оценивает первую девушку, тоже брюнетку, как и та, которая подняла бунт. Женщина хмурит брови, цокает языком. Бедняжка дрожит и прикрывается руками, но их всего две, все спрятать не получится.

– Грудь быстро обвиснет, – качает головой сборщица и без стеснения отводит руку девушки.

Бюст у нее пышный, смотрит прямо, горделиво. Темные соски – девушка смуглая – топорщатся от холода, но сборщице этого и надо. Она берет платок и роняет его на грудь брюнетки. Он медленно скользит по коже и повисает на соске – одновременно красиво и безумно порочно.

– Хм, недурно! – Сборщица сменяет гнев на милость. – Кожа гладкая. Теперь наклонись. Все недостатки видны лишь в профиль.

Стараясь не показать лишнего, брюнетка подчиняется, но мучительница неумолима. Бедняжка то краснеет, то бледнеет, а сборщица щупает, щиплет, оттягивает.

– Может быть, может быть, – вполголоса повторяет она.

Решение еще не принято, и девушка ложится на кушетку. Сборщица раздвигает ей ноги, и я отворачиваюсь, не хочу смотреть. Мерзко и гадко! Неужели и со

мной проделают то же?

– Второй сорт, но возьму, – вымыв руки, сообщает сборщица.

Девушка на кушетке рыдает, красная от стыда, даже уши пунцовые.

– Отправишься в храм, сразу говорю, – предупредила сборщица. – Не взяла бы, если бы не недобор. Можно, конечно, потратить много денег, исправить недостатки, но стоит ли?

– Стоит! – рыдая, молит брюнетка.

Позабыв о стыде, она падает на колени и просит женщину в алом либо отпустить ее, либо исправить те самые неведомые недостатки.

– Да какая гарантия, что тебя купят! – отмахивается неумолимая посланница храма. – Большая грудь не синоним успеха. Одевайся и в фургон, он справа, за палаткой. Ну и девицы, выродились совсем! – в сердцах добавляет она.

Второй девушке повезло больше. Сборщица бегло взглянула на нее и отправила восвояси. Интересно, что в ней не понравилось? Но размышлять некогда: позвали меня.

– На середину выходи! – раздраженно махнула рукой сборщица. – И лучше сама все покажи, сбереги мое время.

Словно прыгнув со скалы в глубокое море, сдернула рубашку, оставшись обнаженной. По коже сразу забегали мурашки. Ничего не чувствуя, не слыша даже биения собственного сердца, плотно сжимая бедра, заковыляла к месту позора. Помня советы, чуть подволакивала ногу, но опытный глаз быстро разобрал обман.

– Нормально иди, я все уловки знаю!

И вот остановилась, замерла, словно прикосновения, ощущая чужой взгляд. От него ничего не спрячешь, как ни зажимай ладошкой.

...Ее сборщица заприметила сразу и теперь поняла: не ошиблась. Соски как розовые бутоны, одновременно твердые и нежные. Грудь мягка и округла. Напоминая два спелых, готовых сорваться с ветки плода, она стремилась в руки будущего хозяина. Как чудесно, зазывно смотрится на такой ткань рубашки! Не грубая, которую сняла девушка, а тончайшая, практически прозрачная, вуаль на упругом юном теле. Талия пусть не осиная, но обязательный изгиб присутствует. Живот манит взгляд ниже, к покатым бедрам, которые очень скоро доберут недостающую полноту. Сзади тоже все аккуратно, порадует глаз и руку. И ноги, сборщица сначала обратила внимание на Джанет именно из-за ног, длинных и стройных. Казалось бы, простые требования, но как сложно подбирать девушек! Они будто специально, желая чужой гибели, рождаются коротконогими, плоскими или, наоборот, слишком рыхлыми.

Сборщица ущипнула пунцовую от стыда Джанет за попку и кивнула. Следа не осталось, подходит.

– Одевайся и ступай в фургон, – приказала она. – Поздравляю, тебя ждет Фрегия.

Ну вот, двое готовы. Подумав, сборщица решила осмотреть шатенку с мальчишеской фигурой – на вишенки тоже найдется покупатель. Если все пропорционально, не одни кости, девочка может стать товаром. В любом случае выбирать не сборщице, она лишь предлагает девушек. Только жрец решает, кто останется при храме, а кого повезут дальше. Эта тоже оказалась лучше, чем казалась. Стоило отвести упрямые руки от груди, как сборщица одобрительно кивнула. Тут не вишенки, а вполне себе сливы. Сзади и щупать нечего, на такой жир не отложится, можно смело отправить в фургон. Завтра всю партию осмотрит врач. Сборщица никому не верила на слово, по своему опыту знала, выдумашь сотню любовников, лишь бы остаться дома. На людях они постесняются говорить такое, потом не докажешь соседкам, что солгала, зато наедине наперебой поведают о выдуманных подвигах. Но случается, отобранные кандидатки действительно имели связь с мужчиной, нужно все проверить до отправки и в случае необходимости поменять одну девицу на другую. На такой случай сборщица вела особый список запасных вариантов.

... Я ничего о мыслях женщины в алом не ведала, да и не волновали они меня. Опустошенная, раздавленная, наспех оделась и побрела к фургону. Сборщица выпускала прошедших отбор не прежним путем, а через второй выход. Там мы сразу попадали в руки солдат, которые зорко следили, чтобы отобранные девушки не сбежали.

– И тебя тоже? – вздохнула брюнетка, когда я по приставной лесенке забралась внутрь.

Помимо нее в фургоне сидели еще пятеро, но так тихо, что я не сразу их заметила. Узнать бы, откуда они... Потом, сейчас все равно.

– Угу.

Кивнула и уткнулась лбом в пропахшую сыростью ткань. Права оказалась тетя Нэт, как в воду глядела! Запомнила меня сборщица, отыскала среди других девушек. Повезло, хотя бы на кушетку не укладывала, срамные места не заставляла показывать.

– А тебя куда? – Брюнетка попалась словоохотливая или просто прятала за разговором волнение.

Пожала плечами. Сборщица ничего не сказала, просто в фургон отправила.

– Я не хочу продажной девкой! – тоненько завывала товарка. – Я домой хочу!

Да кто же нас пустит? Я попробовала высунуться, так дежуривший подле солдат обратно затолкал. Но брюнетку это не остановило. Причитая свое «Хочу домой!», она попыталась сбежать, в итоге оказалась в углу, прикованная к бортику тяжелой цепью. От греха на мне тоже защелкнули ножные кандалы. Свои же, рьянцы постарались. Но пойти против воли – верная смерть. И ладно только твоя... Поговаривали, для острастки казнят безвинных и насилуют девушек. Мол, не хотели отдать десяток, возьмем всех. Наслышалась в толпе, пока стояла на площади.

Вскоре партия пополнилась. Взявшись за руки, в фургон забрались два подростка. Их фигуры разительно отличались от наших. Выходит, для храма подходили разные. Разговаривать не хотелось, и мы молчали. Брюнетка тоненько скулила в углу. Только теперь сообразила, она моя ровесница – формы сначала ввели в заблуждение. Чуть погодя место подле меня заняла блондинка, напоминавшая едва распустившуюся розу. Мы вместе учились, ее звали Сандрой. Следующей стала тоже школьница, но на год младше нас. Она размазывала слезы по щекам и все оглядывалась на дома, надеялась сбежать.

Ее конвоировал солдат – выходит, девушка пряткая. Одного взгляда на нее хватило, чтобы понять, такой товар сборщица бы не упустила: зеленоглазая, с волосами цвета пламенеющего заката. Невысокая, словно куколка или фея. Не избежала скорбной участи и спорившая со сборщицей брюнетка, ее тоже посадили на цепь.

Не знаю, сколько времени прошло, может, час, может, больше. Я уже уверилась, что новеньких не приведут, когда появилась сборщица в сопровождении статной шатенки. Ростом она превосходила посланницу Фрегии, но чрезвычайно пропорционально сложена. Волнистые волосы, пышный бюст, подчеркнутый шнуровкой платья, глаза с поволокой. Ума не приложу, почему она до сих пор не замужем – шатенка явно старше меня. Может, из-за роста? Не всякому мужчине понравится высокая жена. В отличие от нас, последняя девушка не выглядела убитой горем. Расстроенной, опечаленной, не более. Когда на ногу защелкнулся браслет, она вздрогнула, но не проронила ни слезинки.

– Первоклассный товар, тебя оценят! – напутствовала сборщица последнюю жертву и закрыла борт фургона. – Помяни мое слово, много дадут.

Шатенка промолчала и отвернулась. Я ее понимала. Сомнительное утешение – знать, что ты дорого стоишь.

Итак, осталось добрать двоих. В нашем городе сборщица собрала богатый улов – восемь душ. Хотя наш фургон – песчинка, вряд ли полная партия состоит из пятнадцати девушек.

– Как же я устала! – донесся до меня голос виновницы наших бед. – Отдохнуть бы, но опять недобор. Не рожают нормальных девок!

Захотелось ответить, зло, едко. Остановило возможное наказание. Вряд ли с синяком под глазом я потеряю ценность, раз так, лучше сидеть тихо, наблюдать.

Фургон дернулся и тронулся. Осторожно выглянув, проводила взглядом площадь. Несмотря на окончившийся отбор, она не опустела, наоборот, будто весь город вышел нас провожать. Люди махали вслед платками, многие плакали. Служительницы храма, которых обошла стороной страшная участь, долго шли за фургоном, читая молитвы и заговоры на удачу. И так захотелось увидеть мать, отца, Нону! Ком подступил к горлу. Вцепившись в поднятый борт, до предела

натянув цепь, жадно искала их глазами в толпе и нашла. Они знали, что меня забрали, такие слухи разлетались быстро. Вот сестренка на папиных плечах машет рукой, выкрикивает мое имя. Отец серьезен, молчалив, но на лице ни кровинки. Мама не отнимает платка от лица и повторяет: «Доченька, прости!» Я не винила ее, верила, они сделали все возможное, но не зря вчера судья смотрел на меня как на покойницу. Проклятая сборщица заранее внесла меня в список, тут и бургомистр бы не помог. Слезы текли ручьем. Никак не могла их унять. Вскоре лица родных расплылись, осталась только радужная пелена.

– Не надо!

Вздрогнула и обернулась. На меня смотрела та самая шатенка, которую привели самой последней.

– Не надо, – повторила она. – Бесполезно. Так хотя бы на рынок попадешь, а зареванная – сразу в храм.

– Все равно! – упрямо шмыгнула носом.

Пусть оставит меня в покое, никого не хочу видеть и слышать!

– Один мужчина лучше сотни, – не унималась сестра по несчастью. – Надо бороться за лучшую долю. Девушек в храме меняют раз в два-три года.

Только вот зачем теперь жить? Лучше закрыть глаза и умереть.

Будущее казалось беспросветным и коротким, как волоски на лбу тети Нэт. Накаркала, ведунья! Не зря, ох, не зря я не любила к ней ходить! Хотя, сама виновата, Джанет, лучше бы сорняки полола. Мечтала стать как прекрасная незнакомка, станешь.

Глава 3

Партию таки набрали, во всяком случае, об этом шептались девушки, которых втолкнули в фургон на следующий день после моего отбора. Сами они

забираться не хотели, кусались, брыкались, но грубая солдатская сила победила. Свои своих. Может, те мужчины думали о собственных сестрах и дочерях, даже радовались, что забрали не их. Убеги кто-нибудь из нас, унижительный смотр продолжили бы.

Я оказалась права, фургонов было несколько. Увидела их в последней точке путешествия сборщицы – очередном небольшом городке. Там нас ненадолго выпустили размяться и нормально справить нужду. Прежде приходилось довольствоваться походными средствами. Отобранных девушек выгуляли на пустыре позади огородов, а после заперли в старом храме. Все девяносто душ. Девочки оказались разными: от практически детей, то переживавших последние годы молодости. Никто не плакал. Устроившись, кто на полу, кто на ступеньках хора, мы покорно ждали, пока приведут последних двоих. Особо любопытные отыскивали лестницу и приставили ее к небольшому узкому оконцу. Одна девушка забралась наверх, другая страховала.

– Началось, началось! – горячечно сообщила та, что наверху, молоденькая жгучая брюнетка. Я бы дала ей лет шестнадцать, но мягкие черты порой вводят в заблуждение. – Их, как нас, выстроили.

– Много? – подала голос та, что снизу, тоже темненькая, но шатенка.

– Какая разница? – зло отозвалась со своего места обладательница внушительного бюста из моей партии. – Позлорадствовать хочешь?

– Вовсе нет! – обиделась девчонка и замолчала.

Я ей чуточку завидовала. Все окна в храме высоко, на галерее, даже с лестницей достанешь. Только одно на хорах, но его заняли девчонки. А так хотелось в последний раз взглянуть на нормальную жизнь! Впервые задумалась, какая участь меня ждала: рынок или храм? Один мужчина или множество каждый день? Достаточно ли я хороша? Да лучше бы родилась уродиной! Нестерпимо захотелось умереть, но молитвы не долетали до ушей небес. Может, потом? Умирают же от горя? Или удастся сбежать. О, если смогу, вырвусь на свободу, пусть сборщицу казнят! Непременно нужно сделать это после границы, чтобы проклятая женщина в алом не могла подыскать замену. Или?.. Уже осмысленно огляделась, выискивая лазейку. Когда речь шла о собственном спасении, не до блага других. Солдаты дежурили перед дверьми, вряд ли оцепили храм.

Всеобщее внимание приковано к отбору, к рядам новых несчастных, между которыми расхаживает женщина в красном. У меня есть шанс... Хм, а вот и второе небольшое окошко. Оно притаилось за хоругвями, поэтому я его сразу не заметила. Окно выходило на небольшой сад, потому интереса для юных наблюдательниц не представляло. Тем лучше. Встала и поплелась вдоль стен. Вот так, пусть думают, будто в отчаянье не знаю, чем себя занять. Все ближе и ближе. Первая ступень, вторая... Никто не остановил, все заняты собственными переживаниями. Через пыльное окно виднелась свобода. Прижалась к нему лбом, делаю пару вздохов. Нужно найти шпингалет и исхитриться пролезть. Объективно оценила свои формы и в который раз порадовалась, что уродилась серединка на половинку. Девчонкам, шепотом комментировавшим происходящее за площади, конечно, легче, но тетя Нэт всегда говорила, что без труда даже удача не поможет.

Долго не решалась поднять крючок, все боялась: остановят. А когда палец уже нащупал заветную железку, судьба громко рассмеялась в лицо.

– Еда! – раздалось за спиной.

Побег пришлось отложить. Надеюсь, потом представиться случай.

В храм в сопровождении солдат вошли несколько женщин с мисками и кастрюлями с мясной похлебкой. Мы по очереди разобрали посуду, наполнили ее темной жидкостью и расселись на прежние места. Ели немногие, большинство в прострации сжимали миски. Я через силу запихивала в себя похлебку: чтобы сбежать, нужны силы. Только вот с каждой минутой мечта вновь очутиться дома казалась все более несбыточной. Фрегийцы словно читали наши мысли, предчувствовали каждый шаг.

Недостающих двух девочек привели скоро. Я полагала, мы промаем в неведении до вечера, но сборщица управилась быстро. Она выбрала двух юных шатенок. Ничего особенного, но женщина хотела скорее покончить с отбором. Видимо, уже нашла тех, кто обеспечит ей счастливую старость.

– Ну вот, – сборщица обвела нас пристальным взглядом и широко улыбнулась, – теперь вас ждет путешествие во Фрегию. Не надо плакать, лучше думайте о том, что вы избранные. Вас научат тому, чего никогда не узнают ваши сестры, вы будете служить могущественной богине, ублажать лучших мужчин империи. Не

стану скрывать, придется тяжело, но, если вы постараетесь, возможно многое. А теперь несколько правил.

Алая ткань заструилась по воздуху, зачаровывая, приковывая взгляд. Поневоле забываешь, кто перед тобой, любишься прошедшей неведомую школу женщиной.

– Некоторые пробовали убивать сборщиц. Подобные мысли сейчас тоже наверняка посещают ваши головы. Так вот, моя жизнь ничего не стоит, зато моя смерть изменит ваши кардинально. Они закончатся здесь и сейчас, а в Рьяне проведут новый отбор, заберут вдвое больше девушек и выборочно казнят десяток мужчин. Решайте сами, стоит ли рисковать.

Она прохаживалась между девушками без охраны, прекрасно сознавая: никто не осмелится поднять на нее руку.

– Вы заранее хороните себя, – продолжала сборщица; каблуки звонко стучали под сводами храма. – Но у каждой есть шанс. За него надо бороться, девушки, будущее определено только у тех, кто останется в храме. Постарайтесь понравиться жрецу, улыбайтесь, соблазняйте и не сопротивляйтесь.

Последний глагол вызывал опасения. Разве выбранных для рынка тоже насиловали, или женщина имела в виду что-то другое? Наверное, иначе какой смысл нас продавать?

– Сейчас вас осмотрит врач. Если кто-то окажется бракованной, ее заменят.

– Мы не вещи, чтобы так о нас говорить! – подала голос все та же брюнетка со вздорным характером.

Мысленно я была с ней солидарна. Все происходящее напоминало дурной сон, потому что не могло происходить в действительности. Нужно только ущипнуть себя, и морок развеется. Увы, никуда не девался, на коже оставались лишь синяки.

– Вещи, – припечатала сборщица. – Отныне у вас нет ни имен, ни фамилий. Я дам каждой кличку, которую вы будете носить до конца дней. Если повезет, жрец

или хозяин сменят ее, а нет, навсегда останетесь Лютиком или Ягодкой.

– Хватит это терпеть!

В храме назревал бунт. А я-то решила, слова сборщицы убедили всех сидеть тихо. Вслед за брюнеткой встала другая девушка, потом еще и еще. Готовые растерзать, они заключили в кольцо женщину в алом, требовали немедленно отпустить их. Я предпочитала не вмешиваться, заняла выжидательную позицию. Как показали дальнейшие события, абсолютно верно. Сборщица не стала вести переговоров, а зычно кликнула стражу. Она быстро скрутила бунтовщиц, одарила ножными и ручными браслетами. Остальные девушки, сгрудившись в уголке, молчаливо наблюдали за происходящим. Выводы из преподанного урока мы сделали.

– Радуйтесь, что я не решаю вашу судьбу, – процедила сборщица и поправила порванную в нескольких местах ткань. – Иначе половину сразу отправила бы в храм на низшую ступень. Но у вас еще есть шанс одуматься. За второе такое выступление прикажу наказать плетью. Сами понимаете, любой дефект лишает шанса стать наложницей. И если вы по дурости своей полагаете, будто это постыдно, заверяю, храм в сто раз хуже. Или надеетесь обольстить молоденьких служителей? Напрасно! К жрецу вам тоже не пробиться, девушки крепко держатся за место. А если вдруг он из интереса или со скуки прижмет вас пару раз, так и не вспомнит через пять минут.

Высказавшись, женщина уселась на складной стул и велела расстелить простыню на галерее. Вскоре появился врач. Старичок даже не взглянул на нас, что-то бормоча себе под нос, быстро поднялся по ступеням.

– Ну, теперь по одной вверх, – скомандовала сборщица.

Спасибо, хоть осмотр непубличный, но раздвигать ноги перед мужчиной... Хотя все равно придется, Джанет, привыкай.

Девушки не спешили выполнять указания, пришлось сборщице вмешаться. Первыми она направила вверх бунтовщиц. Их цепи громко грохотали при каждом движении, каждая ступенька давалась с трудом. Осмотр длился от силы пару минут, но возвращались девушки пунцовыми от стыда и категорически отказывались рассказывать, что с ними делали.

Я очутилась примерно в середине списка. Когда палец сборщицы ткнул в грудь, вздрогнула и с надеждой огляделась: вдруг ошиблась? Но никто не спешил вставать, наоборот, все сочувственно уставились на меня. Прежде я взлетела бы на галерею за считанные мгновения, а теперь волочила ноги. Впереди ждали стыд и позор. Меня превратили в вещь. И почему? Только потому, что императору понадобился новый клочок земли, а продавшаяся завоевателям женщина в алом указала на меня. Есть ли у нее дети? Глупый вопрос, Джанет. Такие детей не рожают и замуж не выходят.

Храмом давно не пользовались, и он пришел в запустение. Из него вытащили мебель, даже сняли хоругви. Такое не происходит просто так, что-то случилось. Даже если бы построили новый храм, в старом бы остались служительницы. Божий дом не бывает пуст. Да и город явно не из богатых, откуда взяться деньгам на новый храм? Пусть из фургона толком ничего не разглядишь, я не заметила дворцов, брусчатка тоже только на главной площади. Выходит, храм осквернили. Уж не фрегийцы ли? Воображение мгновенно нарисовало страшную картину: с треском ломаются двери, внутрь врываются обезумевшие чужаки, ловят тщетно надеющихся на поддержку небес служительниц. Место для единения с богом превращается в оргию. Ведь не просто так нас, приговоренных удовлетворять чувственные прихоти фрегийцев, держали здесь. Может, сборщица надеялась, что мы надышимся воздухом безудержного разврата.

– Я здесь.

Вздрогнула и повернула голову. Возле расстеленной на полу простыни стоял врач. Он не торопил, просто смотрел, даже мысленно жалел.

– Тяжело, верно?

Кивнула и провела рукой по каменной кладке. Холодная.

– Когда-нибудь это закончится, – продолжил врач и вымыл руки в глиняной плошке. – Все когда-нибудь кончается.

– Вы давно?..

Закончить вопроса не сумела, но врач и так понял.

– Дважды. Сборщицы заканчивают выбор девушек в разных городах, пекутся о своей безопасности. Подходи, не бойся. Я стар и девичьими прелестями не интересуюсь.

– Вам... вам за это платят?

Я не видела иной причины участвовать в унижительном мероприятии.

– Нет, конечно, – покачал головой врач, – если не считать платой жизнь. Я слышал, – понизил голос он, – девушки роптали, пробовали устроить бунт. Не завидую судьбе зачинщиц!

– Каждую из нас ждет такая же.

Шаг, еще шаг. Я все ближе к бледному пятну на полу. И вот совсем рядом. В растерянности посмотрела на врача. Он велел лечь на спину и задрать подол:

– Ты уже взрослая, сама догадаешься, что дальше.

Простыня не могла спасти от холода пола, но даже по сравнению с ними пальцы врача казались ледяными. Плотно сжав губы, терпела. Боли не было, приятного тоже. Щеки стремительно розовели, бедра инстинктивно сжимались, но я понимала, врач должен закончить осмотр. Наконец он выпрямился и разрешил встать.

– Даже не знаю, поздравить тебя или пожалеть. Зови следующую.

Не оборачиваясь, словно раненая, заковыляла к лестнице. С одной, стороны, все, с другой... Подумаю об этом завтра.

Когда последняя девушка вернулась с хоров, туда направилась сборщица. Не так, как мы – быстро, уверенно. Они с врачом о чем-то поговорили и вместе спустились в зал.

– Бракованных нет, – закрыв за мужчиной дверь, громко объявила сборщица. – Переночуете здесь, а завтра отправимся в путь.

Ночь не принесла долгожданного облегчения. Ворочаясь на циновке, не могла отделать от назойливых мыслей, воспоминаний. Судя по вздохам и тихим всхлипам, не меня одну мучила бессонница. Новый день встретила с облегчением. Он сулил хотя бы какие-то перемены. И они действительно произошли.

После завтрака к нам снова зашла сборщица и заявила, что перед отправкой во Фрегию даст нам новые имена. Она гордо расхаживала в сопровождении мужчин в незнакомой темно-зеленой форме с черными нашивками. Фрегийцы. Оливковая кожа, густые темные волосы, острые подбородки. Мы, рьянцы, совсем другие. Со смесью страха и любопытства наблюдала за новыми конвоирами, гадая, солдаты они или офицеры. Меня смущали нашивки. Такие полагались командирам, но почему-то сделаны не серебряной нитью. Жаль, рядом нет тети Нэт, она бы рассказала. Я никогда фрегийцев не видела: после установления своих порядков они удалились в гарнизоны.

– Симпатичные девушки, – внезапно подал голос один из чужаков и остановился против меня. – Чья она?

Сердце пропустило удар и упало в желудок. Убеждала себя, что сборщица не отдаст, что до Храма наслаждений мы должны добраться в целости и сохранности, и дрожала. Вдруг я признана негодной для рынка, вдруг меня определили в низшие и сразу отдадут фрегийцу? Он смотрел пристально, с масляной улыбкой раздевал взглядом – отвратительное ощущение! Чтобы хоть как-то отгородиться от него, отвернулась, прижала колени к груди.

– Ничья, – флегматично отозвалась сборщица. – Отныне у нее нет ни матери, ни отца, но и владельцем пока она не обзавелась.

– Так отдай ее мне.

Вот оно! Мужчина дернулся, будто прямо сейчас собирался забрать добычу, но ладонь женщины в алом удержала его на месте.

– Повторяю, она ничья, – чуть повысила голос сборщица. – Займись делом, а не пускай слюни. Девочка наверняка попадет на торги, у тебя денег не хватит выкупить. А узнаю, что испортил товар, отрежу ненужное. Я в своем праве, ты закон помнишь.

– Помню, – раздосадовано пробормотал фрегиец и неохотно отступил.

Я мысленно выдохнула и порадовалась неведомому закону. Однако мужчину надлежало опасаться. Он наверняка затаил злобу, выместит ее на мне, а не на сборщице.

– Вот и имя тебе найдено. Эй, – женщина в алом шелкнула пальцами возле моего лица, – слышишь?

Вынырнув из безрадостных дум, подняла голову и вопросительно уставилась на нее. Сборщица широко улыбалась, хотя глаза ее оставались холоднее льда. Покушавшийся на меня мужчина отошел в тень, рядом стоял другой, столь же безучастный, как и женщина, которую он охранял.

– Я сказала, что имя тебе найдено, – Ничья.

– Ничья...

Несколько раз повторила слово, которое не походило даже не прозвище. Разве можно дать такое человеку? Подумала и осеклась. Ты не человек, Джанет, ты именно Ничья.

– Одной меньше, – с облегчением пробормотала сборщица и посетовала: – Сколько мороки с вами! Сначала выбери, потом довези, теперь еще имена. Всякий раз мучаюсь.

То есть она не в первый раз? Но тетя Нэт говорила... Усмехнулась собственной наивности. Тетя Нэт всегда казалась мне авторитетом, таким патриархом, но что она знает о Фрегии? Не откровенничала же с ней сборщица, когда забрала на единственном отборе, в котором участвовала тетушка? Из империи никто не возвращался, мы довольствовались слухами. Выходит, люди ввали, никакая сборщица не жертва, спасающая свою жизнь, а обычная торговка. Некогда она служила в храме, не на низшей должности, разумеется, заручилась определенным доверием и теперь подвязалась за деньги поставлять девушек. Остальное... Сказка.

– Ладно, продолжим. – Сборщица отошла от меня и направилась к миниатюрной зеленоглазке. – С тобой все просто: Куколка. Рядом сидит Колючка. Ты, так и быть, Фиалка.

Женщина в алом по очереди указывала пальцем на притихших девочек и давала им имена. Чаще они отражали характер, иногда цвет волос, например, Черненькая, временами и вовсе бывали обидными: Попка, Ножны. Последнее особенно рассмешило фрегийцев. Они весело переглядывались и свистели. Получившая сомнительное имя девушка покраснела. Выходит, прозвище неприличное. Досталось оно одной из тех, кто пытался поднять руку на сборщицу. Девушка, которую сборщица лично привела в фургон, стала Подарком.

– Ну вот, – раздав новые прозвища, удовлетворенно кивнула женщина, – теперь с прошлым покончено. Услышу старые имена, накажу. А чтобы не забыли, кто есть кто, вам выдадут таблички. Терять их строго запрещается, даже якобы случайно.

Отлично придумано: теперь не удастся избежать ответственности за любой проступок. Тех же брюнеток много, а так взглянет солдат и доложит кличку. Мерзкие они, как у собак. Покосилась на фрегийцев и задумалась, обрадовались бы они, получив такие имена. Ишь, стоят довольные, посматривают свысока. Ничего, придет день, и Рьян встанет с колен.

Глава 4

Никогда прежде я не видела моря, и оно казалось мне пугающим. Бесконечная серая пелена, таящая в глубине смертельную опасность. Попасть из Рьяна во Фрегию можно было и по земле, но сборщица предпочла водную гладь. Очевидно, опасалась, очередного побега. Ей и так пришлось в спешном порядке брать первую попавшуюся девчонку. Та попалась ей на глаза в трактире, разносила еду.

Все случилось ночью, когда мы остановились на постой в небольшой деревушке. В темноте толком ничего не разглядишь, но по огням сосчитала, там домов пять, не больше. А еще постоянный двор с трактиром – дорога проезжая, денежная.

Кандалы разомкнули, и под конвоем фрегийцев мы гуртом побрели ужинать. После сухого пайка грядущая трапеза виделась пиршеством. Мы ехали без остановок, питались тем, что припасли солдаты. Всех их на месте последнего отбора сменили на фрегийцев – подоспел отряд из ближайшего гарнизона. Сборщица не желала рисковать товаром, подстраховалась.

– Как же хорошо! – вздохнула Куколка. – Никогда не думала, что начну радоваться обычным вещам.

В прошлой жизни ее звали Ирэн, но, памятуя запрет сборщицы, я опасалась даже думать о ней как об Ирэн: вдруг с языка сорвется? За ослушание действительно наказывали. Злючка отказалась называть новых приятельниц Сладкой и Мотыльком и лишилась на день еды. Сборщица назвала свое решение милосердным, мол, во Фрегии с непокорными рабынями не церемонятся. «Вы всего лишь вещь для удовольствия, – наставляла она, прохаживаясь между фургонами на одной из стоянок. – Не имеете права на чувства и собственное мнение. Вы безропотно выполняете фантазии мужчины. Поверьте, кличка – самая безобидная из них. И чем раньше вы научитесь послушанию, тем лучше».

– Все познается в сравнении, – вздохнула я.

За время пути мы сдружились. Несмотря на специфическую внешность, Куколка оказалась умной, образованной девушкой. Ей прочили завидную партию – еще бы, ведь она из дворянской семьи. Подумать только, даже происхождение не уберегло! Хотя в наших краях родовитых аристократов нет, местные семейства не могли похвастаться богатыми угодьями и длинной родословной. Но, безусловно, Куколка-Ирэн вышла бы за человека своего круга. Странно, в ней совсем не было спеси, наоборот, общаться с ней легко, как и с Попкой. Обидное прозвище девушка получила за выдающуюся пятую точку. Оптимистка, она активно убеждала нас в том, что не все так плохо.

– Сами подумайте, – настаивала Попка-Селия, пытаясь перезаплести каштановую косу, – если бы девушки в храме быстро умирали, проводили бы отбор раз в пятнадцать лет?

Кандалы мешали, но подружка не сдавалась. Упрямая! А ведь вдобавок нас в фургон набили как селедок в бочку.

– Империя завоевала не только Рьян, – напомнила Куколка. Она получила домашнее образование, но лучше нас разбиралась в науках. – Девушки могут спокойно умирать хоть каждый день, всегда найдется замена в других странах.

– Кандидаток не хватит, – авторитетно заявила шатенка и таки исхитрилась привести волосы в порядок. – Сама подумай, им нужны только красивые и незамужние. Ну, сколько там стран твоя империя завоевала?

– Она не моя, – обиделась рыженькая. – А страны три.

– Вот! – подняла палец вверх Попка. – То есть с каждой они собирают такую же дань в двести девушек и передают в храм. Я не сильна в арифметике, но на пятнадцать лет не хватит. Выходит, никто через пару месяцев не умрет.

– Ты не знаешь, о чем говоришь, – вздохнув, покачала головой Куколка.

– Будто ты знаешь!

Переспорить Попку не смогла бы даже сборщица, вот и мы сдались. Да и разве разговорами что-то изменишь? Лучше не думать о Фрегии. Так и поступили. Стараясь не замечать тяжести ножных оков, не чувствовать запаха чужих тел, болтали о всякой чепухе, лишь бы только не молчать. Потому что когда молчишь, хочется плакать.

И вот наступил вечер, возможно, самый последний вечер в Рьяне. Из обрывков переговоров солдат поняли, граница неподалеку. Нас обещали не только нормально покормить, но и вымыть. При мысли о ванной тело чесалось с удвоенной силой. Казалось, на нем осела вся пыль Рьяна.

Чуть подволакивая ногу, – та не хотела нормально сгибаться после цепи – вместе со всеми брела к черному ходу постоянного двора. Девушек выстроили парами, словно в школе. Я шагала вместе с Куколкой, Попка впереди нас с Подарком. Последняя замкнулась в себе и ни с кем не разговаривала после врачебного осмотра. Ее право. Шли медленно, хотя солдаты подгоняли. Им не терпелось отделаться от нас и засесть внизу с кружечкой пива.

На ту девушку обратила внимание глазастая Попка. Словно запнувшись, она на мгновение поравнялась с нами и шепнула: «Смотри, Веточка!» Речь шла о худенькой девушке, которую привели в фургон сразу после меня. Право, не понимаю, зачем брать ее в храм, плоская как мальчишка. Веточка то и дело останавливалась, жаловалась, будто натерла ногу. В итоге сборщица не выдержала и разрешила бедняжке немного посидеть:

– Потом нагонишь.

Вместе с Веточкой остался солдат, крайне недовольный вынужденной заминкой. Девушка плюхнулась на поленницу и принялась растирать ногу. А у самой глаза бегали. Солдату бы насторожиться, но он особо за ней не следил, убежденный, подопечная никуда не денется. Что случилось дальше, не знала: стукнувшая дверь отрезала от двора. Внутри оказалось душно: черный ход выводил на кухню. Сразу потекли слюнки. Так много всего вкусного! Но пока лишь оставалось мечтать о еде – солдаты упорно гнали вперед.

Сборщица расщедрилась, могла бы поместить всех в одной комнате, а выкупила шесть. Пусть крохотные, но и фургон не хоромы, а ведь в каждый набили по двадцать человек. Кто с кем хочет жить, выбирали сами, и девушки быстро разбились на партии.

– Ой, а Веточки все нет! – первой подметила Фиалка.

Ну мало ли еще отдыхает. Самой же хуже, вода чуть теплая достанется. Словом, я не забивала голову подобными мелочами. Куда там, ведь мы кидали жребий: кому купаться первой. Девочки из других комнат ссорились, дрались, но ведь лучше решить по-честному. Каждая загибала за спиной пальцы. У кого больше, тот и раньше других. Разумеется, жульничали, загибали все разом. Тогда Куколка предложила загадать число:

– Так мы максимальное угадать не сможем.

И ведь действительно, выбирай хоть сто, хоть двести.

Я оказалась второй. Победила Куколка. Кто бы сомневался, с ее-то образованием! Раздосадованная Попка назвала нас мошенницами и целый час дулась. Еще бы, ее «двенадцать» оказалось самым маленьким.

Теплая вода помогла немного расслабиться, ненадолго забыть, кто мы. Сначала стеснялись друг друга, но потом привыкли, даже терли подружкам спину. После унижительного раздевания на отборе все пустяки, той же Попке не придет в голову меня щупать, проверять в потаенных местах. Словом, мы с удовольствием плескались в корыте, когда из-за двери послышался визгливый крик сборщицы: «Всех в кандалы, паршивку – догнать!» Смех разом стих. Фиалка выскочила из воды, понимая, что последует за этим «всех в кандалы» – сюда ворвутся солдаты и увидят нас голыми. Мы с визгом похватали вещи и кое-как натянули рубашки. Еле успели! Сорочка Фиалки липла к мокрому телу, и она старательно прикрывалась руками.

– Пошевеливайтесь, отродья!

Едва не своротив корыто, солдаты, грубо хватая за руки, наградили каждую железными браслетами. Судя по крикам из-за стены, не все девочки успели одеться. Но фрегийцев наша нагота не волновала, они слишком злились на сбежавшую Веточку, чтобы думать о чем-то другом.

– Интересно, а нас покормят? – когда повернулся ключ в хлипком замке, с тоской спросила пустоту Попка.

Она сидела на полу посреди мыльной лужи – там, куда ее толкнули.

– Даже не знаю. Вдруг накажут?

Несправедливо, но от сборщицы можно всего ожидать.

– И как теперь?..

Фиалка обреченно покосилась на скованные руки. Воду пролили не всю, остыть она тоже не успела.

– Давай вдвоем? – предложила Попка. – Как-нибудь друг дружку вымоем.

Пока они плескались, подошла к окну и прижалась носом к грязному стеклу. Возле постоянного двора мелькали огни, снизу долетали зычные приказы офицера. Не верилось, неужели Веточка действительно сбежала! Но как?! Всем

сердцем желала, чтобы ее не нашли, пусть хотя бы одна спасется.

Ужин нам таки принесли, заодно забрали мыло и корыто. Вода в нем потемнела – еще бы, столько грязных тел туда окунулось! Ели молча, боясь упустить что-то важное: обрывок разговора фрегийцев, проклятия сборщицы. Но ничего, постоянный двор словно вымер.

На следующее утро выяснилось, что Веточку не нашли. Наверняка спрятал кто-то. Фрегийцы угрожали, все вверх дном перевернули – пусто. Раздосадованная сборщица прокляла паршивку и пополнила наши ряды подавальщицей. Количество девушек в партии неизменно, если привезешь на одну меньше, оправданий никто слушать не станет.

Именно из-за побега Веточки нас решили переправить во Фрегию по морю. Столь напугавшую меня большую воду я видела дважды: когда всходила на борт и когда пришла моя очередь прогуляться по палубе. Остальное время приходилось бороться с качкой в темном трюме, в котором пахло хуже рыбных рядов. Виной всему отхожее место. Его отгородили выцветшей занавеской, поставили ведро. Выносили туалет раз в сутки, остальное время он щедро ароматизировал помещение.

Глаза быстро привыкли к темноте, и через пару часов я худо-бедно могла рассмотреть скудную обстановку. Вместо коек подвесили гамаки, кинули набитые соломой тюфяки. Их начинка пахла немногим лучше отхожего места. На стенах я нащупала кольца и цепи. Выходит, судно и прежде использовали для перевозки рабов. Нам повезло, сгрузив в трюм, кандалы сняли, хотя бы можно держаться за борта при качке. Она доставляла множество неудобств, от простейших бытовых, когда сложно устоять на ногах или не пролить воду из латунной кружки, до тошноты. Морская болезнь никого не обошла стороной, я тоже мечтала о глотке свежего воздуха и торопила час, когда мир, наконец, перестанет качаться.

Моя очередь прогуляться по палубе подоспела почти у самых берегов Фрегии. Возившийся с парусами матрос даже любезно указал, в какой она стороне – неясное темное пятно на горизонте. После зловонного трюма палуба казалась волшебным местом. Пусть здесь так же шатало, зато довольно свежего воздуха, светло и можно двигаться. Ухватившись за снасти, стояла у высокого борта и пыталась надышаться впрок. Над головой кружили чайки. Сначала их скрипучие крики пугали, но потом я привыкла, задрав голову, подолгу наблюдала за

полетом белоснежных птиц. Немного поглазев на очередную «сухопутную» рьянку, команда занялась делами. Теперь за мной наблюдали четверо: конвоиры и сборщица с капитаном. Последние стояли на ярус выше, на мостике, и о чем-то оживленно переговаривались. Судя по косым взглядам, беседовали обо мне. Нехорошее предчувствие шевельнулось в груди, но я поспешила его задавить. Что толку, если ничего не изменишь?

Интуиция не подвела: сборщица велела привести меня в кают-компанию. О, как разительно она отличалась от трюма! Будто комната в богатом доме. На стенах картины, мирно тикают в углу часы. Три по полудню. Мягкий диван, два кресла, столик – уж на корабле ли я нахожусь?

– Подойди! – поманила сборщица.

Вытянув ноги, она вольготно устроилась на диване. Капитан, скрестив руки на груди, стоя замер рядом с ней. Взгляд его быстро пробежался по моему телу и вопросительно обратился на сборщицу. Та кивнула и быстрым движением поднялась.

– Разденься!

Моргнула. А как же?.. Меня ведь никому не продали, я даже до храма не доплыла.

– Не беспокойся, обе твои дырочки останутся в сохранности, – угадав мои мысли, успокоила женщина в алом. – Капитан только посмотрит. Я разрешила ему первому оценить товар. Если повезет, он тебя выкупит у храма.

Что-то мне не хотелось подобного везения! Хотя я ничего о капитане не знала, даже толком рассмотрела его только сейчас. Невысокий, коренастый, с такой же, как у всех фрегийцев, оливковой кожей, еще больше потемневшей от солнца и ветра, темными волосами, собранными в низкий хвост. Широкие брови, высокие скулы, тяжелый подбородок, щетина. Глаза глубоко посажены, оттого кажутся злыми.

– Ну, раздевайся же! – поторопила сборщица. – Что замерла? Покажи товар. Капитан – мужчина обеспеченный. Жены у него нет, а в гареме всего три наложницы. Умело покрутишь попкой, займешь хорошее место.

Сглотнув, потянулась к крючкам, расстегнула один, второй.

– Да не обмирай! – скривилась сборщица. – Я ей услугу оказываю, до торгов покупателю показываю. Думаешь, всех сюда зову?

– Давайте я ее раздену? – предложил молчавший до той поры капитан. Вопреки ожиданиям, он не басил и не хрипел. – И сколько мне доплатить, чтобы она?..

– Потом! – взмахом руки прервала его явно испуганная женщина. – Не здесь же и не так открыто!

Нахмурилась. О чем это они? Но думать было некогда, из двух зол выбирают меньшее, и я предпочла раздеться сама. Разумеется, догола – иного вида обнажения для фрегийцев не существовало.

– Руки на бедра поставь, – командовала сборщица. Она обрела прежнее спокойствие, расслабилась. – И сюда подойди, встань перед капитаном. Теперь нагнись, упрись руками в диван. Смотрите, капитан, теперь все видно, ничего не утаить.

Я думала, умру со стыда. Видно было не все, а гораздо больше. Кожей ощущала взгляд капитана. Он неторопливо изучал грудь, спину, затем переместился туда, куда заглядывает не каждый муж. Дернулась, ощутив прикосновение там, и поспешно вскочила, наплевав на возможное наказание. Почему сборщица так спокойна и усмехается, разве капитан только что не пытался меня изнасиловать?

– Успокойся!

Одежды сборщицы зашуршали по полу, словно красная вода растеклась. Легко ступая на высоких каблуках, словно не замечая качки, она подошла ко мне и решительно взяла за руку, отведя ее от плотно сжатых бедер.

– Встань как прежде. Простите, господин, – обернувшись к хмутившемуся капитану, извинилась сборщица и подтолкнула меня к дивану, – она ведь девственница, родилась свободной. И пальцем аккуратнее, не испортите.

– Не испорчу, – усмехнулся мужчина, – у меня опыт имеется. А остальное?..

Он буквально пожирал меня глазами.

– Она не умеет, – понизив голос, быстро шепнула женщина, – придется учить.

– Плачу десять сверху.

– Тридцать. Мне еще приводить девочку в порядок, – покачала головой сборщица. – Да и если узнают!.. Вам-то что, а меня казнят. Девушки должны оставаться чистыми до храма.

– Она и останется, всего лишь наберется опыта. Да и какая разница, если я ее куплю, чистая формальность, – настаивал капитан.

В подкрепление своих слов он достал из кармана кошелек и потряс им. Полный монет, тот зазывно позвякивал.

– Или сразу продайте ее мне. Очень уж девочка понравилась.

– Не могу! – развела руками сборщица и, ловко перехватив кошелек, спрятала его в декольте. – И не просите! – замахала она руками. – Хоть тысячу, хоть две давайте, не могу. И из кают-компания никуда не уйду, чтобы ненароком девочке ничего не повредили.

С замиранием сердца прислушивалась к разговору. Я частично догадывалась, о чем шла речь, и молилась за сборщицу. Никогда бы не подумала, что стану благодарить эту женщину. А ведь она могла согласиться, соврать, будто я умерла по дороге, но не стала. Почему? Боялась наказания, или внутри сохранилось еще нечто человеческое?

– Давай я досмотрю, малышка, не упрямься. Покажи мне свою красотку.

Замотала головой. Никогда!

– В кандалы хочешь? – подала голос сборщица. – Клиентам нужно угождать.

Однако я не торопилась подчиняться. Страх куда-то улетучился, осталась гордость. Увы, сборщица обладала достаточной силой, чтобы ее сломить. Вдвоем с капитаном они повалили меня на диван, и мужчина ввел в меня палец. Все произошло так неожиданно, что я не успела вовремя среагировать.

– Ну как? – в нетерпении поинтересовалась сборщица.

Вдавленная в обивку, едва дышащая, я не видела ее лица, но догадывалась, той не терпелось услышать положительный ответ.

Странно, я полагала, будет больно, очень больно, а пока только неприятно. Палец вошел неглубоко и не двигался, зато второй зачем-то гладил бугорок чуть выше лона, чрезвычайно настойчиво, словно надеялся вызвать джина.

– Я ее хочу! – хрипло пробормотал капитан и убрал руку.

С облегчением выдохнула. Неужели все? Он ведь меня посмотрел, а продать до храма нельзя.

Хватка ослабла, но я не спешила дергаться, только удобнее устроила лицо. Теперь хотя бы волосы не лезли в рот. Зашуршала одежда. Капитан отчего-то шумно сопел.

– Даже не знаю, тяжело или легко тебе придется, – задумчиво протянула сборщица и тоже отпустила меня. – Ну переверчивайся лицом к капитану и учись обращаться с мужским членом. Стимулировать ничего не нужно, справишься, но размер большой, рот открывай шире.

Зачем открывать рот? Что от меня хотят эти люди?

Недоверчиво косясь на сборщицу, поднялась на четвереньки, радуясь, что достаточно длинные волосы скрывали грудь. Раньше я хотела их остричь, а теперь радовалась, что не последовала столичной моде.

– Давай, милашка. Как ярмарочный леденец.

Капитан обеими руками ухватил меня за лицо и развернул к себе. В свою очередь он максимально придвинулся, бесстыже выставив вперед... Нервно сглотнула. Перед моим лицом вздымалось мужское достоинство. В мыслях я представляла его совсем другим, не таким огромным, волосатым и уродливым. Багровеющий комок плоти на толстом стволе. Сквозь кожу вздымались жилы. Казалось, еще немного, и они взорвутся. Член смотрел почти строго вверх, словно гриб-паразит, растущий из пенька.

– Закрой глаза, открой рот и глотай, – подсказала сборщица. – В храме тебя научат, а теперь капитан потерпит, делай, как сумеешь. Найдешь языком...

– Я не стану!

Решительно отстранилась и затрясла головой. Пока меня не продали, не стану никого ублажать!

– Упрямая девчонка, я заплатил!

Капитан силой разжал мой рот и заставил ощутить вкус своей плоти, не менее противный, чем все остальное. Однако я не собиралась покорно сосать, как настоятельно советовала сборщица. Хотелось скорее выплюнуть, избавиться от чужеродного тела, и я не придумала ничего лучше, чем укусить мужчину. Никогда не слышала, чтобы так кричали! Всего пара капелек крови, но капитан катался по полу, словно я вонзила ему нож в печень. Побелевшая от страха сборщица метнулась к нему, закудаhtала, как курица. Воспользовавшись моментом, накинула сорочку. Если будут убивать, хотя бы не голую.

– Ах ты дрянь! – вопил капитан.

Мелькнула мысль, не лучше ли самой броситься за борт. Судьба моя переопределена, зачем мучиться?

– Она еще неподготовленная, – извинялась сборщица, бросая на меня убийственные взгляды, – испугалась. А вы сразу, резко... Но денег не верну, на свой страх и риск платили.

Ох, хитра! Лиса в алом все просчитала, при любом раскладе оказывалась в выигрыше.

– Чтоб ее на идола посадили! – баюкая свой член, продолжал ругаться мужчина. – Чтобы одну на четверых брали, да все скопом!

– Обязательно, господин, обязательно, – словно ребенку, поддакивала сборщица. – Мы вас сейчас перевяжем, все хорошо будет. И другую девушку подберем, намного красивее.

Обернувшись, женщина прикрикнула:

– Ну, что замерла? Живо оделась и за дверь! И на глаза мне не показывайся, бесстыжая!

Неужели пронесло? Ушам своим не верила. Сборщица изображала гнев, но на самом деле его не испытывала. И действительно, меня всего лишь затолкали обратно в трюм, даже кандалы не надели. Хм, а ведь, подсовывая меня капитану, сборщица заранее знала, что тот обещанного удовольствия не получит. Разумеется, я промолчала о случившемся в кают-компании. Грубость солдата вопросов не вызвала. С нами не церемонились, не били, но частенько оставляли синяки. Так, от неосторожных пальцев, сходили за три дня. Однако стоило опасаться капитана. Он затаил обиду и мог отомстить. Не многовато ли для меня сразу двух врагов? Фрегийский солдат никуда не делся, плыл с нами.

Глава 5

Однако страхам моим не суждено было сбыться, и я благополучно попала на землю Фрегии. Корабль пристал в бухте, с одной стороны которой тянулась гряда скал, а с другой – раскинулся небольшой городок. Меня тогда удивило, почему сборщица выбрала не крупный порт. Разгадка лежала на поверхности: отсюда ближе всего к Храму наслаждений.

– Поторапливайтесь! Глаза в пол!

Сборщица стояла у сходень и контролировала, как мы одна за другой, связанные прочной веревкой, ступаем на берег. Там уже поджидали знакомые фургоны. Солдаты ловко подхватывали девушек и закидывали внутрь. Цепями не пристегивали – верно, куда бежать в незнакомой стране? Вдобавок в каждый фургон сажали по двое солдат, благо прибыло подкрепление.

Несмотря на волнение и страх перед будущим, ведь совсем скоро мы окажемся в месте осуществления кошмаров, любопытство заставляло вертеть головой, внюхиваться, всматриваться. Казалось, во Фрегии совсем другой воздух, а еще значительно теплее, можно смело ходить в самом легком сарафане. И не душно, хотя море рядом. Много растений. Они зелеными поясами взбирались вверх по скалам. Пышные густые шапки деревьев свидетельствовали об обилии влаги. Дома здесь белили, а крышу крыли яркой черепицей, отчего здания приобретали праздничный вид. От жара жителей спасали ставни, чаще синие или темно-коричневые. Улицы узкие, крутые, то скатываешься с горки, то забираешься вверх. А какие фруктовые сады! Я многих плодов не видела даже на картинках.

Настроения среди девушек разделились. Одни, как я, не обращая внимания на тычки солдат, прильнули к бортам фургона, другие, наоборот, забились в дальний угол и плакали. Я бы тоже могла, но что толку? Лучше улыбаться и делать вид, будто мы отправились в путешествие.

Храм наслаждений располагался высоко в горах, однако не так высоко, чтобы там нельзя было разбить сады. К нему вела извилистая дорога, не всякому хватит терпения дойти или доехать. На подъезде тент опустили, и я слышала только пение птиц. Никаких сладостных стонов или криков боли.

– Приехали!

Вместе с голосом сборщицы в фургон снова ворвался солнечный свет. Часто заморгала и не сразу сообразила, что пора выходить. Точно так же, как на пристани, солдаты сгрузили нас на землю. Фургоны укатили, открыв вид на белоснежный храм. Нижний этаж его оплели открытые арочные галереи, частично забранные узорными деревянными решетками. Выше шел пояс высоких окон, практически смыкавшихся друг с другом, следом башня и колокольня с солнечными часами.

– Храм наслаждений, – махнула рукой на белую громаду сборщица. – Справа купальня, слева отдельные комнаты. Там тоже принимают мужчин, но особые девушки. Впрочем, вам все расскажут. Позади нас сад. Он не для наслаждения, а для созерцания. Можете смело бродить по нему с раннего утра до пяти часов вечера. Затем вам надлежит раздеться, совершить омовение в купальне и отправится в храм. Богине служат каждый день, до рассвета.

По рядам пронесся дружный вздох. Отыскав глазами Попку, взглядом сказала: «Ну вот видишь, а ты не верила!»

– Иногда мужчин мало, иногда вовсе не одного за ночь, – продолжала женщина в алом и приветливо помахала кому-то рукой. – Работу распределяют в порядке очереди. Жрец и его помощники имеют право на ласку в любое время суток. Они набирают особый гарем, попасть в него – большая честь, которая освобождает от близости с другими мужчинами. Кроме жреца, разумеется, он имеет право на любую из вас.

– А большой этот гарем? – подал голос одна из девушек, кажется, Злючка.

– Гарем жреца уже набран, есть пара мест у его помощников. Но, кто знает, – улыбнулась сборщица, – может, вам повезет, и жрец пожелает вас дефлорировать. Тогда уж постарайтесь, все в ваших руках. А теперь, – улыбка из приторной превратилась в гаденькую, – пора раздать долги. Тех, кого назову, ждет каменный фаллос и самая низшая должность при храме. Я предупреждала, бунта не потерплю.

Во рту пересохло. Вдруг и я попаду в их число? Ноги стали ватными, в глазах потемнело. Ухватила за Куколку, чтобы не упасть. Она в свою очередь вцепилась в меня, так и стояли, обнявшись.

Сборщица назвала десять имен. Рыдающих девушек тут же скрутили и утащили прочь, куда-то за храм. Сразу стало пусто и очень страшно. Мы сомкнули ряды, но обмануть себя не получалось, остро чувствовались отсутствие десяти из нас.

– А вот и жрец, – как ни в чем ни бывало продолжила сборщица. – Он осмотрит вас и решит, кто останется при храме, а кто попадет на рынок. Отбросьте стыд, девочки! Ублажать одного мужчину всегда приятнее. Вдобавок не бесплатно: если окажетесь ласковыми, сметливыми и покорными, вас ожидают подарки.

Желаю удачи!

С этими словами женщина в алом направилась прочь, к неприметному серому двухэтажному зданию чуть в стороне от храма. По дороге она перекинулась парой слов с мужчиной в длинном белом балахоне. Я расслышала лишь: «Есть парочка годных и одна для тебя, присмотришь». Выходит, тот гигант – любой наш охранник едва доставал ему до плеча – и есть жрец. Небольшая окладистая бородка мешала определить возраст служителя храма. Ему в равной степени могло оказаться и сорок, и пятьдесят. Ни одного седого волоска, все гладкие и черные как смоль. Мужчина опирался на посох. Сначала он показался мне обычным, но потом я разглядела набалдашник, слишком напоминавший содержимое штанов капитана. За жрецом на некотором расстоянии следовали мужчины в белых туниках, подпоясанные алыми кушаками. Лишь один из них годился мне в отцы, остальные – либо в старшие, либо в младшие братья. Каждый носил на шее золотое изображение обнаженной танцовщицы. Точно такое же украшало грудь жреца.

Чем ближе подходил великан, тем страшнее мне становилось. Может, удастся сбежать? В саду полно деревьев и укромных дорожек, вооруженная до зубов стража не столь поворотлива, как юная девушка. Только вот куда вынесут ноги? Сомневаюсь, будто храм не подготовил сюрпризов для своих жертв. Или все же попробовать? Глаза лихорадочно забегали. Сначала юркнуть под тот куст, а дальше... Не успела.

– Добро пожаловать!

Голос жреца оказался не столь низок, как ожидала, учитывая его рост. Он остановился против нас, бледных, едва державшихся на ногах, и внимательно разглядывал. Лицо оставалось бесстрастным.

– Неплохая партия, – кивнул жрец и подал знак самому старшему из помощников приблизиться. – Мы возьмем всех. Как вы, наверное, поняли, – мужчина улыбнулся, чтобы сгладить жуткий смысл своих слов, – вы попали в Храм наслаждений. Девушки здесь служат высокой цели – дарят успокоение и усладу, направляют разрушающую энергию к небесам, а не на ближнего. Неудовлетворенный мужчина агрессивен и кровожаден, лаской вы спасаете чужие жизни.

Какое красивое объяснение обычного разврата!

– Прежде, – продолжал жрец, – девушки приходили сюда добровольно. По разным причинам. Кому-то хотелось вкусить удовольствия, кому-то требовались кров и защита. Постепенно желающих утолить жажду в нашем храме становилось все больше, и император посчитал нужным направлять сюда жительниц покоренных земель. Они не должны оставаться в стороне, пусть телом служат процветанию своих благодетелей, раз не способны платить налоги. Опять же справедливо, посылать сюда тех, по чьей вине овдовели и осиротели наши женщины.

Я слушала и закипала от ярости. Жрец говорил так, будто не Фрегия, а Рьян сжигал чужие деревни.

– Вдобавок, – привел еще один аргумент мужчина, – ваши правители вели себя неосмотрительно, допустили волнения. Такое нельзя оставить безнаказанным. Чем больше упрямства вы покажете, тем чаще мы станем забирать девушек.

– То есть мы – наказание? – мрачно подытожила Злючка. – Расплачиваемся за чужие грехи?

Жрец предпочел промолчать, хотя разве не об этом он нам талдычил?

– Но не будем о грустном. – Губы великана вновь тронула улыбка. – Забудьте прошлую жизнь и с трепетом нетерпения встречайте новую. Вы думаете лишь о мужчинах и страхе, а я говорю: думайте о страсти. Вы не испытали бы и половину ее в Рьяне. Разве постылый супружеский долг сравнится с ласками, которые вы получите? Вам не придется терпеть годами одного мужчину, вы познаете десятки поз, десятки способов и десятки раз переживете наслаждение. Как только уйдет страх, сразу пропадет боль. Богиня ласкова к своим последовательницам, она одарит вас сполна. Теперь осталось выяснить, кого в какой мере. Наверное, сборщица успела бегло описать институт девушек в нашем храме. Если нет, я объясню. Абсолютно все девушки, кроме низших, признанных негодными для изысканных ласк, проходят инициацию и обучение. Вы не встретитесь с женщиной, пока не будете знать, что увидите и почувствуете. Вам объяснят правила, расскажут, как поступать, если посетители их нарушат. Те, кого я и мои помощники сочтем особо достойными, после обучения либо покинут храм, либо останутся в качестве высших наложниц.

Последним не придется ублажать никого, кроме своего господина. Им будет дозволяться больше, чем остальным, например, изредка бывать на людях вне храма. Те высшие наложницы, когда в силу тех или иных причин станут неинтересны господину, превратятся в сборщиц. Каждый год я выбираю из них лучшую и одариваю деньгами и ребенком. Вы можете в силу своей молодости лишь посмеиваться, но за время жизни в империи поймете, как важны происхождение и статус дитя во чреве. Во Фрегии младенцев не рожают бездумно, без разрешения.

– А после? – В горле пересохло, но я таки спросила. Пора внести ясность, слишком много я слышала правды и лжи о женщинах в алом. – Что случается со сборщицами после? Одной повезет, а остальных казнят?

– Нет, милая. – Жрец сделал шаг ко мне и ласково потрепал по голове. – Они уходят из храма. Одна беременной завидной невестой в собственный дом, другие – куда придется. Казнят только тех, кто привозит некачественный товар либо не уберег его по дороге. Но хватит разговоров, пора надеть на вас амулеты послушниц. Снять их могу только я, напрасно просить мимолетных любовников. Пока они на вас, вы не можете покинуть территорию храма.

– А как же высшие наложницы?

Мужчина усмехнулся.

– Станешь, узнаешь. У тебя неплохие шансы, девочка, посмотрю, подумаю.

При мысли о потном теле великана, трущемся о мое, стало дурно. Я ведь не выдержу, попробую задушить его завязками собственного балахона. Тогда меня ждет верная смерть. Да и если сдержусь, будет ли мое существование лучше? Я не желала становиться сборщицей и обрекать на страдания бывших соседок. Равно как не собиралась рожать от мужчины, к которому не испытывала ничего, кроме брезгливости. Впрочем, каков шанс, что меня одарят ребенком, скорее уж окажусь за воротами без гроша. И куда тогда? Ясно ведь – в бордель, на другую работу бывшую служительницу богини наслаждений не возьмут. Рынок дарил призрачный шанс на иную жизнь. Я хотя бы окажусь в доме, а не в обители разврата. И если выберусь оттуда, не стану считаться грязной шлюхой. Но не мне решать. Вот зачем открыла рот? Теперь жрец заметил и, кажется, положил на меня глаз.

Дождавшись команды, помощник жреца молчаливо принес холщовый мешок. В нем оказались ошейники с большими камнями, напоминавшими кошачий глаз. Солдаты по очереди выталкивали вперед девушек и придерживали, пока метка храма не защелкивалась. Ошейник сидел удивительно плотно, но, странное дело, не сдавливал кожу. Попробовала, даже ноготь под ним не пролезал. Магия! Закончив, так же бесшумно, как подошел, помощник жреца отступил в тень. Свершилось. Если прежде оставалась какая-то надежда, ошейник убил ее. На глазах навернулись слезы, но я мужественно подавила их. Вот еще, разрыдаться перед фрегийцами! Они только этого и ждут, чтобы упиваться чужим горем. Ничего, придет день, фрегийским девушкам тоже придется плакать! Я мысленно повторяла это снова и снова, пока нас вели в храм. Внутри он оказался таким же необычным, как снаружи. Я ожидала увидеть большой зал, но попала в подобие прихожей, где за столом с умным видом сидела пожилая женщина. Немного щурясь, она водила пальцем по строкам толстой книги и ненадолго отвлекалась, чтобы щелкнуть костяшками палисандровых счетов.

– Распорядительница, – представил ее жрец. – Она ведает доходами храма и раздает мужчин. Дружите с ней и всегда останетесь довольны.

Он мог бы еще сотню раз повторить «довольны», «наслаждение», слаще не станет, ни капельки не перепадет.

– А, новенькие!

Женщина оторвалась от подсчетов и подняла голову. Распорядительница не носила ошейника, а ее одежда не походила на одеяния сборщиц. Другого фасона, чуть более свободная и открытая, нежели принято в Рьяне, она кроилась, а не наматывалась на тело. Интересно, работала ли распорядительница прежде в храме или пришла сюда добровольно, на конкретную должность.

– Как тебе новенькие, Альцеста? Хватит на ремонт восточной галереи?

Распорядительница ненадолго задержала на нас близорукий взгляд и покачала головой.

– Тебе решать, Экон, но я бы лучше продала парочку низших в бордель. Толку от них никакого, зря кормим. Уже после пяти мужчин пластом валяются.

– Пяти сразу? – нахмурился жрец. Выходит, его звали Экон. – Помнится, я запретил...

– Да богиня с тобой! – замахала руками женщина. – Какое сразу, они жедохлые! Да и не бордель у нас, а храм, место святое. Я и двоим-то редко позволяю, только если девочка умелая. И то отказаться может. Пятерых за ночь они ублажить не могут, болит, видите ли, устали. А чего устали-то, если все лежат? А если и заберутся сверху, мужик под ними спит. Хорошо, что новых привез. Часть уже на дефлорацию увели, вечером заменю лентяек. Заодно заработаем больше. Мужчины – странные создания, во всем норовят стать первыми.

Жрец не ответил, пошел дальше. Слово пушинки, распахнулись перед ним тяжелые двери. На каждой – застывшее движение, танец сладострастной богини. Извиваясь, бесстыжая, влекла за собой к небесам.

Огромный полутемный главный храмовый зал пах благовониями. Центральный проход, устланный коврой дорожкой, оставался свободным, а справа и слева за рядами резных столбов, поддерживавших высокие своды, стояли жесткие кушетки. Возле каждой столик, на нем свеча и две баночки, вроде тех, в которых держали помаду. А еще копилка с прорезью. Тогда-то я и поняла, где все совершалось, и, покраснев, отвернулась, чтобы уткнуться взором в торец зала. Там, освещенная несколькими узкими окнами и светом с верхних открытых галерей, нависавших над залом, застыла хозяйка храма. Прозрачный алый шелк оттенял мраморную белизну идеального тела, колыхаясь от естественного ветерка, обнажал то бедро, то упругую грудь, то преддверие лона. Скульптор постарался, его работа напоминала живую женщину, даже во мне вызвала восхищение. Представляю, каково мужчинам! Богиня приподняла согнутую в колене ногу, словно указывая вниз, туда, куда одну за другой подводили девушек, обреченных стать низшими.

– Подходите ближе, что застыли! А вы – вон! – обратился жрец к страже. – Для вас зрелище только за деньги.

Солдаты уходили неохотно. Им хотелось понаблюдать за стройными обнаженными телами, но со жрецом не поспоришь.

Хоть в чем-то слухи оказались правдивы – под изящной ножкой богини установили каменный фаллос. Его тоже выполнили максимально натурально,

соразмерили с тем, который я видела у капитана. Отполированный, натертый маслом абсолютно черный член вздымался с небольшого постамента.

Служители, ухватив под руки, по очереди усаживали на него брыкающихся девушек, надавливали на бедра, заставляя принять каменную плоть. Бедняжек приподнимали и насаживали снова, по два-три раза. Затем плачущих девушек снимали с члена и, наклонив, что-то вставляли между ягодиц. Непонятный предмет вводили-выводили несколько минут и вторично усаживали несчастных на каменный фаллос, теперь медленно и не так глубоко.

Притихшие, мы круглыми от ужаса глазами наблюдали за дефлорацией низших. Оказавшись совсем близко, я поняла, что с ними проделывали, и мечтала умереть во время пытки.

– С вами поступят иначе, – заверил жрец, удовлетворенно наблюдая за слаженными действиями подчиненных. – Работа тех девушек начинается сегодня вечером, приходится поступать грубо. Вас дефлорируют другим способом, если только вдруг я не отправлю кого-нибудь в низшие. Для каждой поберем индивидуальный инструмент, кому-то деревянный, кому-то костяной, кому-то набитый конским волосом. Кем-то и вовсе займусь я и мои помощники. Все постепенно, без боли. Но я привел вас сюда не ради стонов бракованных спутниц, а ради лика пресветлой богини.

Мужчина почтительно склонил голову перед статуей. Понукаемые его помощниками, мы сделали то же самое.

– Она милостиво разрешила называть себя Эрон и повелела, чтобы имена всех служащих ей жрецов содержали хотя бы одну букву ее имени.

– А нам оставят обидные прозвища?

Кто это спросил, я точно не знала, да и девушка постаралась затеряться в толпе: вдруг накажут? Однако расплаты не последовало. Ответа, впрочем, тоже.

Я не сводила взгляда с лика чужеземной богини, такого прекрасного и безмятежного, будто не замечавшей творимого у ее ног насилия. А девушки продолжали кричать и плакать. Хотелось заткнуть уши, закрыть глаза и проснуться.

– Это не так больно, как кажется. Ритуальный фаллос не наносит повреждений.

Вздрогнула и отшатнулась, когда меня коснулась рука жреца. Как он мог улыбаться, когда там, за его спиной... И откуда ему знать, что больно, если он мужчина?

Несчастные, прошедшие посвящение, скрючились у стены. Они растеряли былую силу духа и тщетно пытались прикрыться от взоров прислужников. Вопреки ожиданиям, те не возжелели своих жертв. Я полагала, в храме устроят оргию, но мужчины не воспринимали девушек как женщин. С тем же успехом они насаживали бы на камень, а затем отгоняли в сторону животных, а то и вовсе мешки из-под муки.

– Имя вы можете получить только от хозяина, – ответил-таки на вопрос жрец. – Пока ваш статус не определен, носите клички. Я говорил о низших и высших наложницах, но большинство из вас станут средними. Им полагается дежурить в храме дважды в неделю, а остальное время принимать гостей в купальне или на мягком ложе в комнате. В отличие от низших, им полагается процент от заработка храма. Его можно потратить на одежду и украшения. Все выплаты осуществляет Альцеста, она же делает покупки. Так же средних наложниц раз в две недели осматривает врач.

Крики и слезные мольбы стихли. Осторожно взглянув, убедилась, что каменный фаллос опустел. Служители тщательно отмывали его, полировали воском. Прошедших дефлорацию девушек увели. Куда, я не знала.

– Но вот, когда вы немного освоились, удовлетворили первое любопытство, пришло время выбора. Вас проводят в купальню, где вы смоете дорожную грязь. После, не одеваясь, поднимитесь по винтовой лестнице на второй этаж.

Одарив напоследок отеческой улыбкой, столь не вязавшейся с его словами, жрец удалился с большей частью помощников. Оставшиеся бегло рассказали о храме, упирая на его древние традиции и важность сладострастного культа для процветания страны. Я слушала в пол-уха. Взгляд раз за разом возвращался к фаллосу. Тело пронзала фантомная боль, заставлявшая крепко сжимать бедра. Жрец намекал на некие приспособления... Я не желала, чтобы любое из них оказалось во мне, и молилась чужеземной богине о том, что еще неделю назад сочла бы кошмаром: я мечтала попасть на рынок. Но вот рассказ закончился, и

нас гуртом погнали к купальне. Попасть в нее можно было через боковой придел храма.

Глава 6

Ни теплота воды, ни непривычная мягкость полотенца не могли избавить от липкого холодного страха и кислого привкуса во рту. Переминаясь с ноги на ногу, низко опустив голову, я стояла в ряду таких же обнаженных девушек на опоясывавшей нижний зал галерее. Полотенца у нас быстро отобрали, приходилось прикрываться руками и волосами. От кожи приятно пахло фиалковым мылом, но лучше бы навозом. Может, тогда я не попала бы сюда.

По деревянному полу галереи разбросали подушки разных размеров. Курительницы источали чуть сладковатые благовонья, столь удушливые, что прошибал пот. Раздвижные двери скрывали внутренние помещения. Показалось, или за ними слышался женский смех? Наверняка старшие наложницы наблюдали за новенькими, обсуждали их. Но вот двери распахнулись, явив жреца и еще пять-шесть помощников. Все босиком, в одинаковых шелковых черных халатах. Завершала шествие женщина, с ног до головы закутанная в белое. Она несла поднос с большой лаковой шкатулкой, несколькими парами тончайших перчаток и двумя баночками. С поклоном водрузив все на пол подле курительницы, женщина удалилась и плотно задвинула двери. Что за ними, разглядеть толком не успела, мелькнул лишь край мягкого дивана.

– Итак, – удовлетворенно кивнул жрец, – давайте начнем отбор. Может, кто-то хочет стать первой?

Желающих не нашлось, и Экон ткнул пальцем в ближнюю девушку. Боясь показать лишнее, она засеменила к нему и покорно остановилась в ожидании приговора. Да что там, мы все замерли, прекратили дышать. Жрец задумчиво отвел ее руки, осмотрел примерно так же, как делала прежде сборщица. Покачав головой, он велел девушке наклониться и надел перчатку. Помощник проворно подал жрецу одну из баночек. Внутри оказалась странная полужидкая субстанция. Экон смазал пальцы и, аккуратно раздвинув нежную кожу, ввел их в девушку. Та дернулась, но жрец придерживал свободной рукой, не позволяя выпрямиться. Усилив напор, он орудовал уже двумя пальцами. Девушка

закусила губу, едва сдерживаясь.

– Так, с этим все, – кивнул жрец и убрал руку. – Теперь давай малый. Капни хорошенько.

В руках помощника очутилось нечто вроде затычки для бутылки. С назначением я угадала, а вот с остальным нет.

– Умница! – Жрец поцеловал дрожащую от унижения и стыда девушку и легонько шлепнул по попе. – Вытащишь ночью и пойдешь к Джейму. Он преподаст тебе первый урок. А пока ступай к девочкам. Скажешь, тебя сделали средней наложницей храма. Получишь новую одежду, отдохнешь.

Джеймом звали одного из помощников. Откуда я знала? Он сам себя выдал, приложив руку к груди, заверил, для него большая честь обучать новенькую. Догадываюсь, чем именно Джейм собрался с ней заниматься.

Будущие служительницы богини сладострастия одна за другой подходили к жрецу. С частью он проделывал то же, что из первой девушкой, часть уводили помощники и, раздевшись, с помощью собственных тел и предметов из шкатулки – искусственных фаллосов всевозможных размеров и материалов – делали женщинами. Те, в кого входил настоящий член, становились высшими. Девушку укладывали на спину, под поясницу клали подушку и раздвигали ей ноги. Ненасытное мужское достоинство врывалось в лоно вместе с приглушенным стоном. Быстрый выпад, еще и еще, затем передышка и снова. Закончив, помощники жреца запахивали халаты и уводили девушек, всех в разные двери – оказалось, на галерее их много. Затем мужчины возвращались и занимались следующими, если требовалось.

Но вот очередь дошла до меня. Из всей партии сохранили девственность только двое: Куколка и Подарок. Попке не повезло – ее определили в средние наложницы. И ведь существовал крохотный шанс, жрец задумался, но в итоге указал на набитый конским волосом фаллос.

– Даже не знаю... – Экон почесал подбородок. – Мне нравятся такие девушки, но гарем полон...

Я стояла к нему спиной, но уловила, как зашелестел пояс халата. Вместе с ним скользнуло в пятки сердце. Задержала дыхание, осознав, что сейчас касалось моих ягодиц. Жрец придвинулся ближе и теперь водил возбужденным членом у меня между ног.

– Ты явно для рынка, но я тебя хочу.

Пальцы стиснули мою грудь, мужское достоинство оказалось в опасной близости от лона.

– Но ведь можно удовлетворить меня и остаться девственницей. Наоборот, еще хвастаться близостью с самим жрецом Эрон. Ты ведь не откажешь мне, малышка? – жарко шептал он, продолжая тискать меня.

– У вас слишком большой член, учитель, если вы хотите всего лишь отметить ее благословением, – отважился возразить один из помощников.

Мы оба: я и жрец, – взглянули на него. Я с удивлением, Экон – насупив брови. Совсем юный, помощник не отвел взгляда, не стал извиняться.

– О, да, – усмехнулся Экон и, к моему облегчению, отступил, однако халата не запахнул, – твой подходит больше. Развяжи пояс, покажи ей.

Я не желала смотреть, но пришлось. Две вздыбленные мужские плоти, обе неприятные, но действительно разные. Одна – словно могучий дуб, вторая – молоденькая поросль.

– Выбирай, – неожиданно предложил жрец. – Один возьмет тебя, второй обучит оральным ласкам. Поверь, умелая наложница стоит в десять раз дороже.

– Я предпочту остаться неумелой.

Экон покачал головой.

– Этому учатся все, только кто-то с манекеном, а кто-то с женщиной. Ложись, мы подбросим монетку. Да не на спину! – прикрикнул жрец, когда я опустилась на колени. – На живот и подушек под него подложи.

Осознание, что со мной хотят сотворить, опалило удушливой волной. Так не поступали с другим «элитным товаром», почему со мной?! Однако противиться я не могла, пришлось лечь и приготовиться к боли. Только ее не последовало. Вообще ничего не последовало. Отважившись приподняться, убедилась, что жрец жарко спорил с помощником и, странное дело, последний выигрывал! Плоть его столь же неуклонно стремилась к потолку, но юноша ради благополучия храма собирался утолить голод с другой девушкой, из средних или низших, и призывал учителя поступить так же. И ведь уговорил! Крайне неохотно, бросая гневные взгляды на помощника, жрец уступил, разрешил мне встать и присоединиться к другим счастливицам. Оставалось надеяться, что за ночь в его гареме никто «случайно» не умрет.

После жреца не покидало ощущение мерзости, гадливости, и я порадовалась возможности снова сходить в купальню, благо никто не запрещал. Избранных, вроде меня, сопровождала одна из опытных низших девушек. Они передвигались по храму практически обнаженными, прикрытые лишь двумя кусками прозрачной синей ткани. Один опоясывал грудь, частично выставив напоказ живот, второй узлом повязан на бедрах, позволяя оценить стройность ног. Моя рубашка и то целомудреннее. Тонкая и непривычно мягкая, она безжалостно очерчивала тело, но все же скрывала детали. Тут же можно разглядеть практически все.

– Я переоделась к вечеру, – пояснила моя провожатая по имени Гибкая. – В храме обходятся без платьев и рубашек: их долго снимать. Вдобавок разгоряченный мужчина может их порвать, а это лишние траты. Тут же сверху приподнял, снизу дернул, и наслаждайся.

– И тебе нравится? – последнее слово я произнесла с особо брезгливой интонацией.

Купальня пустовала. Как пояснила Гибкая, средние и низшие наложницы пользовались после процедуры дефлорации особыми полотенцами.

– А с высшими сейчас занимаются жрец и его помощницы, их только к ужину отпустят с ложа. Вот тогда они сюда придут.

Попробовала кончиками пальцев воду и, скинув рубашку, погрузилась в ее нежные объятия. Они помогут не думать о том, что творилось сейчас наверху.

– Ты не думай, им хорошо. – Гибкая присела у бортика, обхватив колени руками. – Я сама жутко радуюсь, когда попадаю кому-то из наших. Пусть они более, – она ненадолго замолчала, подбирая нужное слово, – изобретательны, но не грубы. А насчет «нравится» низших не спрашивают. Какой мужчина придет, такой у меня и будет. Безо всяких ласк, сразу. Без масла я бы вообще давно умерла, – по секрету призналась она, покосившись на дверь: не подслушивает ли кто. – Альцеста ворчит, твердит, мы сами должны возбуждаться, преисполненные благостью богини. Сама бы попробовала, карга старая! Ведь ни разу в храме не работала. Я и на бордель согласна, оттуда хоть выбраться можно. Тут – беспросветно.

Женщина махнула рукой и отвернулась. Хотя, какая она женщина, немногим старше меня. Смуглая, с иссиня-черными волосами, Гибкая не походила на рьянку. Мои сомнения подтвердились, в храм ее привезли из другого завоеванного Фрегией государства.

– У нас бунт случился, – рассказывала Гибкая, смотря мимо меня в пространство. Тяжело давались ей воспоминания! – Фрегийцы свирепствовали, убивали, грабили, насиловали. И так три дня, пока император не запретил. Потом всех девственниц, где остались, забрали без разбора в низшие. Я еще подростком была...

– Скоты!

С силой ударила ладонью по воде, отчего по ней разбежались круги. Если бы могла, не оставила бы от Фрегии камня на камне.

– Встречаются, – грустно улыбнулась Гибкая. – Нынешний жрец, например. Экон готов трахать все, что движется, круглые сутки, его сдерживают только иные обязанности. Так бы лежали мы в ряд, а он нас по порядку пользовал. Силы мужской немерено! В гареме двадцать девчонок, ни одна не обижена. Говорят, прежний был иной. Я его еще застала, дряхлого совсем. Мужчин при нем пускали в храм по праздникам или в качестве награды. Нам подарки приносили, ноги омывали и только потом на лежанку укладывали. Сейчас сама видишь... Экон под себя культ богини переделал, оргию за оргией устраивает. Утверждает, будто такова воля Эрон, а на самом деле набивает свой карман и удовлетворяет болезненную похоть.

– И что будет?.. Что будет после того, как ты не сможешь?

Страшный вопрос, но его надо задать. Мне не безразличны судьбы девушек из моей партии, той же Попки.

– Ничего. Могут в бордель в рабство продать – низшие бесправные. Но обычно мы сами умираем: тяжело очень. Я, к примеру, с утра двух помощников жреца ублажила, а до восхода еще мужчин пять обслужу. Сейчас хоть продохнуть можно. Помню ночи, когда с лежанки не вставала, ноги не сводила, один за другим шли. Сама не понимаю, как выжила. Мстили тогда нам за бунт, за убитых солдат. Но ты не переживай, в гареме совсем другая жизнь.

Потрясенная, я не двигалась, позабыв о том, зачем попросилась в купальню. Из головы не шли слова Гибкой. Это же пытка! А она говорила так буднично, без всякой злобы к мерзавцам. Сомневаюсь, будто с продажными женщинами обращались столь жестоко. Радовало одно: в ближайшие пятнадцать лет храм не пополнится. А там, глядишь, император внезапно поперхнется рыбной костью, а от Фрегии не останется и следа.

– Прости, мне пора, – извинилась Гибкая. – Нужно красоту навести, поудобнее лежанку выбрать и у Альцесты записаться. Если ее умаслить, она мужчин получше дает и отдохнуть подольше. Когда средние девочки заняты, можно даже в отдельную комнату попасть, хотя мне больше в воде нравится. Ты тут не засиживайся, а то за наложницу примут. Как закончишь, поднимайся наверх и ступай до дверей с гербом Фрегии. Там покои для тех, кого готовят на продажу. Поешь, поспишь, а завтра кто-то из помощников жреца придет вас обучать. Я слышала, вы сразу с мужчиной станете. Повезло!

В последнем я сомневалась, но спорить не стала. У каждого свое понятие о счастье.

Гибкая упорхнула. В купальне сразу стало холодно и неудобно. Украшенная затейливыми изразцами, она наводила на мысли о неведомых восточных дворцах, в один из которых меня, возможно, продадут – кто сказал, что на рынок заходят только фрегийцы. Однако пора. Не хватало еще встретиться здесь со жрецом! Если он столь похотлив, как рассказывала Гибкая, то легко подкараулит и доделает начатое. Подобной сомнительной чести я не желала, поэтому, прикрывшись, торопливо вытерлась, накинула рубашку и поспешила

наверх.

За раздвижной дверью с изображением фрегийского герба – перекрещенных меча и сабли на фоне императорского скипетра – оказалась большая светлая комната. По полу обильно разбросали подушки, но для комфорта к ним добавили диваны. Они, словно змеи, вились вдоль стены, образуя бесконечное ложе. На мягкой бархатной обивке устроились Подарок и Куколка. Наклонившись друг к другу, они о чем-то тихо говорили, но при звуке открываемой двери замолчали и как ошпаренные отскочили в разные стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/olga-romanovskaya/nich-ya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)